

БЕСТСЕЛЛЕР **NEW YORK TIMES**

ДЖОН ДУГЛАС

Марк Олшейкер

ОХОТНИК ЗА РАЗУМОМ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ФБР
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

true crime | настоящие преступники

Настоящие преступники

Джон Дуглас

**Охотник за разумом.
Особый отдел ФБР по
расследованию серийных убийств**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 343.97
ББК 67.311

Дуглас Д.

Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию
серийных убийств / Д. Дуглас — «РИПОЛ Классик»,
2017 — (Настоящие преступники)

ISBN 978-5-386-12365-9

Эту книгу, выдержавшую множество переизданий и породившую целый жанр в криминальных фильмах и телесериалах, начиная со знаменитого «Молчания ягнят», можно было бы назвать классической – если не бы не легкий язык и непобедимое чувство юмора ее создателей. Первый в мире профессиональный профайлер, спецгент ФБР Джон Дуглас вместе со своим постоянным соавтором, журналистом Марком Олшейкером, мастерски чередуя забавные байки из собственной жизни и жуткие подробности серийных убийств, рассказывает историю становления поведенческого анализа и его применения к поиску нелюдей в человеческом обличье. Новое издание дополнено обширным предисловием авторов, написанным спустя двадцать лет после первой публикации «Охотника за разумом».

УДК 343.97

ББК 67.311

ISBN 978-5-386-12365-9

© Дуглас Д., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Предисловие к новому изданию. Двадцать лет спустя	6
Пролог. Я в аду	15
Глава 1. Мысли как убийца	22
Глава 2. Моя мать – Холмс	30
Глава 3. Хватит и пары капель	41
Глава 4. Меж двух миров	50
Глава 5. Наука о поведении или НП?	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств

John Douglas

Mark Olshaker

Mindhunter Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit

© 1995 by Mindhunters, Inc.

Introduction copyright © 2017 by Mindhunters, Inc.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

*Посвящается бывшим и нынешним сотрудникам и сотрудницам
отделов поведенческого анализа и следственного сопровождения ФБР в
Куантико, Вирджиния, – нашим друзьям и соратникам*

*Зло скрой хоть в преисподней,
Но выползет оно на суд людской...*

Уильям Шекспир. Гамлет¹

¹ Перевод П. Гнедича. – Здесь и далее примеч. пер.

Предисловие к новому изданию. Двадцать лет спустя

Минуло уже более двух десятилетий с тех пор, как вышла в свет наша первая совместная книга «Охотник за разумом: Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств». За это время многое изменилось, хотя многое осталось прежним.

Не стало наших близких друзей и коллег, упомянутых на страницах этой книги: Роберта Ресслера – главного «подельника» Джона в изучении психологии серийных убийц и составлении профайлов²; Роя Хейзелвуда – эксперта ФБР по преступлениям сексуального характера и одного из величайших умов Куантико; Кена Бейкера – ветерана Секретной службы, который работал с Джоном в отделе следственного сопровождения (ОСС) и внес неоценимый вклад в исследование психологии серийных убийц. Не стало и наших наставников. Теперь мы сами превратились в старшее поколение.

Кстати говоря, нам на смену уже подросла новая генерация профайлеров ФБР. Им больше не приходится спускаться (читай: закапываться) в офис на глубину в двадцать метров под землей (в десять раз глубже покойников, как мы шутим между собой). Штаб теперь расположен в правительственном здании на Первой федеральной автомагистрали, прямо напротив базы морской пехоты в Куантико, а профайлеров величают специалистами отдела поведенческого анализа (ОПА).

Как и медицинская практика, профайлинг лежит между наукой и искусством. И точно так же, как и в медицинских кругах, некоторые специалисты оказываются опытнее и проницательнее других. После первой публикации «Охотника за разумом» на телевидении и в интернете расплодилось множество проходимцев, которые называют себя профессиональными профайлерами, хотя у большинства из них нет ни теоретических навыков, ни соответствующего практического опыта. Чаще всего они приносят больше вреда, чем пользы. Мы столкнулись с несколькими реальными случаями, когда профайлеры, заикляющиеся на сугубо академическом подходе, неправильно интерпретировали полученные улики и в итоге вели расследование по ложному следу или выстраивали неудачную тактику обвинения на суде. Необходимо помнить, что талантливый и опытный профайлер во взаимодействии с местными правоохранительными органами показывает более высокий результат, тратит меньше времени на поиск настоящего преступника и куда грамотнее выстраивает стратегию допросов.

Некоторые из преступников, о которых говорится в книге, в итоге были пойманы, и чуть позже мы раскроем все подробности задержания Унабомбера, а также «убийцы с Грин-Ривер» и «душителя СПУ». Ларри Джин Белл был казнен за жестокое убийство семнадцатилетней Шэри Фэй Смит и девятилетней Дебры Мэй Хельмик. Сексуальные маньяки Джером Брудос, Джозеф Кристофер и Артур Шоукросс скончались за решеткой, как и убийца Мартина Лютера Кинга Джеймс Эрл Рэй и некогда вселявший ужас в население всей страны Чарльз Мэнсон. Несостоявшиеся убийцы Джон Хинкли-младший и Артур Бремер были освобождены из-под стражи. Калифорнийский «убийца из чаши» Дэвид Карпентер разменял восьмой десяток и все еще сидит в тюрьме. А агент ФБР Джо Делькампо – напарник Джона по преступлениям (а вернее, их раскрытиям), с которым они работали рука об руку на улицах Милуоки, недавно снялся в одном из сезонов реалити-шоу «Последний герой». (Никогда не знаешь, какие еще таланты обнаружатся у отставного спецарта.)

Любому автору лестно, если его книга даже спустя двадцать лет после выхода в свет все еще пользуется популярностью (и спросом). И мы с Марком не исключение. Реакция читателей была поистине изумительной. Мы испытали настоящую гордость не только за самих себя,

² Профайл – психологический портрет преступника.

но и за наши семьи. Нам нравится думать, что столь продолжительным успехом «Охотник за разумом», его продолжения, а также фильмы и телешоу (в том числе свеженький сериал на канале «Нетфликс»), чьи продюсеры отдали должное нашей работе, обязаны запутанным делам и историям о жизни и смерти, которые мы открыли читателям на страницах нашей книги. И хотя наука, техника и методы расследования за последние два десятилетия шагнули далеко вперед, человеческое мышление и мотивы поведения остались прежними и вряд ли когда-нибудь изменятся.

Нас часто спрашивают, почему документальные произведения о расследовании преступлений так популярны среди читателей и телезрителей, ведь в центре внимания, как правило, оказываются неприглядные, порой жуткие подробности, сами истории насквозь пропитаны трагизмом, а хеппи-эндов ждать и вовсе не приходится. Мы полагаем, тут дело в том, что сама природа документального жанра раскрывает фундаментальные основы так называемой человеческой натуры. Под этим термином мы имеем в виду инстинкты и эмоции, которые испытывает каждый из нас: любовь, ненависть, ревность, жажду мести, амбиции, вожделение, радость и грусть, страх, разочарование и отчаяние, гордыня и тщеславие... Зачастую они сопровождаются подсознательной предрасположенностью к неадекватному поведению и отказом принимать себя таким, каков ты есть. Жанр обнажает все грани человеческой природы, показывает, на что толкает обычных людей крайняя степень проявления инстинктов и эмоций. Так что каждый случай, с которым мы имели дело, каждое преступление, о котором мы упоминали, каждое решение, которое мы принимали, – все это театр госпожи морали со своими героями, злодеями и жертвами.

Давая уже в отставке консультации, Джон, независимо от того, был он на стороне обвинения или защиты, платили ему за услуги или он трудился безвозмездно, всегда повторял: «Хоть это и вы меня наняли, но единственный, на кого я здесь работаю, это жертва». Наша первая обязанность – всегда сохранять к делу именно такой подход.

А сейчас давайте вкратце ознакомимся с некоторыми из дел, которые были раскрыты с момента первой публикации «Охотника за разумом».

Одно из них оставило в нашей памяти особый след, поскольку едва не стоило Джону жизни. Речь идет о деле «убийцы с Грин-Ривер», орудовавшем на территории штата Вашингтон. Гэри Леон Риджуэй сначала признался в убийстве сорока восьми женщин, а затем их число выросло, по самым скромным подсчетам, до семидесяти одной. Беглянок, проституток и просто незащищенных девушек он выслеживал на так называемой полосе Си-Так – участке автострады, протянувшейся вдоль Тихоокеанского побережья между Сиэтлом и Такомой.

Мы сразу составили предельно простой и понятный психологический портрет неизвестного субъекта (или просто субъекта): одинокий мужчина, вероятнее всего дальнбойщик, имеющий возможность без подозрений подбирать голосующих на дороге девушек. У него есть небольшая хижина, где он, видимо, и душил жертв, после чего вывозит тела в ущелье реки Грин-Ривер или бросает на Си-Так. Впрочем, Джон с коллегами тут же оговорился, что руководствоваться следует отнюдь не портретом, а поведением преступника после совершения убийства. Субъект наверняка старался принимать участие в расследовании и возвращался на те места, откуда похитил девушек или где спрятал трупы, чтобы еще раз оживить свои фантазии.

Поскольку психологический портрет оказался несколько размытым, Джон считал, что в какой-то момент полиция допросит или уже допросила настоящего преступника, особенно если он хорошо вписывался в наш портрет. Отношения с проститутками и беглянками у него наверняка не складывались, чем он и оправдывал необходимость их «покарать». Поэтому Джон также предупредил коллег, что не стоит отсеивать подозреваемых, опираясь исключительно на показания полиграфа, ведь сам убийца не считает себя виноватым. К тому же детекторы лжи не отличаются особой точностью, из-за чего суд редко принимает их результаты в качестве дока-

зательства. Полиграф хорошо выявляет ложь у обычных людей, но для социопата не составит большого труда обвести вокруг пальца железную коробку с торчащими из нее проводами.

Гэри Риджуэй арестовали 30 ноября 2001 года, когда он выходил из здания завода грузовых автомобилей «Кенворт» в Рентоне, штат Вашингтон, где работал автомалером. Его задержали по обвинению в принуждении к занятию проституцией, а позднее анализ ДНК позволил выявить его причастность к убийству четырех девушек, в очередной раз подчеркнув практическую ценность тогда еще новой научной отрасли. Бывшего водителя грузовика арестовывали еще в далеком 1982-м по подозрению в связи с проститутками, а в 1983-м он стал подозреваемым по делу Грин-Ривер. Но тогда Риджуэй без особых затруднений прошел тест на полиграфе, и в полиции мигом отсеяли его кандидатуру. Последующий анализ его показаний на детекторе лжи привел к заключению, что результаты были истолкованы неверно. (Кто бы мог подумать!)

В следующий раз власти обратили на Гэри внимание только в 1987-м – обычное дело для зависшего расследования, – но на этот раз у подозреваемого взяли образцы волос и слюны. Лишь двадцать четыре года спустя преступление наконец удалось раскрыть благодаря повторному анализу ДНК. В 2003-м Риджуэй признал свою вину по сорока девяти обвинениям в предумышленном убийстве с отягчающими обстоятельствами. В обмен на смягчение наказания он признался в ряде других убийств, и суд отказался от смертной казни, приговорив обвиняемого к нескольким пожизненным срокам без права на условно-досрочное освобождение.

Оглядываясь назад, в психологическом портрете мы видим лишь одну ключевую ошибку, а именно – заключение о том, что субъект холост. На самом деле Риджуэй был три раза женат и имел бесчисленное множество подружек, как одна заявлявших о его неумном сексуальном аппетите. Он служил на флоте во время войны во Вьетнаме и частенько не брезговал проститутками. Возможно, из-за гонореи, которую он подцепил на фоне беспорядочных половых связей, Гэри и начал наказывать «ночных бабочек»: инфекция явилась стресс-фактором, подтолкнувшим его за черту закона.

Спустя годы исследований и развития профайлинга психоаналитики по-прежнему не всегда оказываются правы в том, что серийный убийца (даже тот, кто проводит много времени в разъездах) обязательно холост и не состоит ни в каких отношениях. В главе 13 («Самая опасная дичь») вы узнаете историю пекаря из Аляски Роберта Хансена, жена которого оставалась в полном неведении, что ее муж похищает проститутку, вывозит их на частном самолете в глушь, а затем устраивает на них охоту, словно на диких зверей.

Самопровозглашенный «душитель СПУ» – Деннис Рейдер из Уичито, штат Канзас, – тоже в каком-то смысле был охотником, но выслеживал жертв в их домах. Он особенно гордился тем, что может «связать, пытать, убить» целую семью, а затем в деталях зарисовать сцену зверства. Джон и его коллеги по ФБР, Рой Хейзелвуд и Рон Уокер, догадались, что рисунки и манера Рейдера описывать свои преступления свидетельствуют о том, что убийца либо бывший коп, либо, вероятнее всего, «полицейский фанат», старающийся во всем копировать сотрудников правоохранительных органов. Серийные убийцы питаются чувством власти над жертвой и поэтому склонны завидовать полицейским, поскольку те, по их мнению, обладают широкими полномочиями.

В расследовании дела «СПУ» мы столкнулись с довольно нетипичной ситуацией. Поначалу душитель совершал убийства одно за другим, но вдруг они резко прекратились. Обычно в подобных случаях мы предполагаем, что субъект переехал, оказался в тюрьме за другое правонарушение или попросту умер.

Но спустя много лет затишья душитель вновь принялся за старое. В 1974-м он убил пять женщин, в 1977-м – еще двух. Затем о нем не было ничего слышно вплоть до 1985-го, когда он убил девушку, а год спустя – еще одну. Дальше он впал в спячку больше чем на пять лет и лишь в 1991-м расправился с последней жертвой. Немногие серийные убийцы (если таковые

вообще найдутся) отдают себе отчет в том, что совершили нечто ужасное, и решают встать на праведный путь. Тут следовало искать другое объяснение. Может, Рейдер мог контролировать себя и долгое время жить воспоминаниями о своих преступлениях?

Общественность узнала о «душителе СПУ» в 2004-м. Он похвастался в местной прессе своими успехами и взял на себя вину за убийство, которое мы ему даже не приписывали. Рейдер не мог не напомнить о себе в СМИ. Почти все сексуальные маньяки расценивают совершенные ими убийства как самые важные и радостные события в своей жизни. И если общение с властями и СМИ приносит им эмоциональное удовлетворение, то вряд ли они от него откажутся.

В конце 2004-го, как бы намекая на собственную добропорядочность и в качестве примера своего «искусства», субъект отправил полицейским водительское удостоверение жертвы и куклу со связанными руками и ногами и с полиэтиленовым пакетом на голове. В одном из своих многочисленных писем властям душитель поинтересовался, смогут ли его вычислить, если он отправит дискету с записью на местное телевидение. По заранее оговоренному с убийцей каналу связи – через тайные объявления в газете «Уичито игл» – полиция с готовностью признала, что не сумеет его найти.

16 февраля 2005 года в редакцию местного телеканала КСАС, принадлежащего студии «Фокс», пришла посылка предположительно от «душителя СПУ». В ней находились золотая цепочка, ксерокопия обложки книги об убийце, который связывал жертв и затыкал им рот кляпом, несколько разлинованных листов бумаги, на одном из которых была инструкция, как общаться с душителем через колонку объявлений в «Уичито игл», и... дискета. Правда, ее содержание полицию разочаровало: ни намек на убийства, только файл с сообщением «Это проверка» и отсылка к листкам с указаниями.

Хотя полиция Уичито и заверила душителя, что вычислить его по дискете не удастся, компьютерщики все же смогли проанализировать метаданные (на момент написания «Охотника за разумом» мы еще были бесконечно далеки от подобных терминов). Обнаружилось, что ранее носитель использовался на компьютере в местной лютеранской церкви, а последние изменения внесены пользователем под именем Деннис. На интернет-странице церкви было сказано, что Деннис Рейдер является председателем церковного совета. Автомобиль Рейдера, черный джип «чероки», подходил под описание транспортного средства, замеченного рядом с местом, где душитель оставил одну из своих посылок.

Чтобы определить причастность Рейдера к преступлениям по ДНК-тестированию, окружная прокуратура получила ордер на анализ мазка дочери Рейдера, который брали у нее во время обследования в поликлинике при университете штата Канзас, где училась девушка. Специалисты канзасского бюро расследований провели ряд тестов и пришли к выводу, что биоматериал имеет родственную ДНК с образцом, взятым с тела одной из жертв душителя. После ареста Деннис Рейдер, как и Гэри Риджуэй, признал свою вину, что позволило ему избежать смертной казни.

Составляя психологический портрет «душителя СПУ», специалисты отдела поведенческого анализа ФБР сделали вывод, что убийца, способный на столь садистские преступления, скорее всего холост, с одной лишь оговоркой: «Даже если у субъекта есть девушка или жена, то эта женщина должна быть покорна, податлива и / или находиться от него в сильной зависимости». И тут профайлеры попали в яблочко.

Деннис Рейдер не был полицейским, но служил офицером охраны порядка в Парк-сити, штат Канзас. Проще говоря, он следил за тем, подстрижен ли вовремя газон, на поводке ли гуляют собаки и расчищены ли дорожки после снегопада. Он настолько строго придерживался буквы закона, что раздавал предписания направо и налево, а одна семья даже подала жалобу, когда он без видимых на то причин усыпил их собаку. Ранее Рейдер служил в ВВС США, получил диплом бакалавра в университете Уичито по специальности «обеспечение правопорядка»

и работал в компании, проверяющей безопасности жилых помещений. Заметили склонность к контролю?

И это еще не все. Когда Рейдер уже сидел за решеткой, выяснилось, что он мучил мелких животных и забирал в качестве сувениров нижнее белье убитых им женщин.

По завершению судебного разбирательства и объявлению приговора Джону представилась возможность лично пообщаться с Рейдером в исправительной колонии города Эль-Дорадо, штат Канзас. Один вопрос не давал Джону покоя: почему Рейдер неоднократно бросал свои зверства, а затем снова принимался за них?

Со слов самого Рейдера, тому имелась весьма простая и вполне «человечная» причина. Однажды его жена Паула вернулась домой раньше обычного и застала супруга разгуливающим по дому в женском белье (принадлежавшем жертвам). Хотя она и не могла знать, откуда взялись бюстгалтер и трусики, но все равно испытала не просто шок, а отвращение. Рейдер попытался объяснить ей, что это всего лишь безобидный фетиш и что он постоянно борется с собой, стараясь от него избавиться. Но такой ответ Паулу не устроил. Она пригрозила, что уйдет от него, если такое повторится.

Сложно сказать, хватило ли ее слов, чтобы привести убийцу в чувство, но Рейдер четко осознал: если он даст Пауле хоть один повод позвонить в полицию или просто пожаловаться знакомым, то в нем и его «трофеях» запросто узнают почерк «душителя СПУ».

Некоторое время он довольствовался воспоминаниями, рисунками и вещами, украденными у жертв, но в какой-то момент мания возобладала, и Рейдер вновь начал вламываться в дома, связывать и пытать. И вновь жена застукала его в женском белье. К счастью для Рейдера, Паула не видела между убийствами и поведением мужа никакой связи. Хотя мы описали ее как покорную и зависимую женщину, ей все-таки хватило мужества подать на развод, как только правда всплыла на поверхность.

Судя по тому, сколь активно Деннис Рейдер настаивал на том, чтобы в прессе его называли именно «СПУ», Джон догадался, что он черпал вдохновение у других серийных убийц. Оказалось, Рейдер восхищался Харви Глатменом по прозвищу «убийца одиноких сердец», который орудовал в пятидесятые годы в Лос-Анджелесе. Он заманивал женщин к себе в квартиру (и не только) под заманчивым предлогом фотосессии для глянцевого журнала, а потом связывал, насиловал и душил, после чего выбрасывал тела где-нибудь на пустыре. Его арестовали в 1958-м, после того как одной жертве удалось сбежать и заявить в полицию. 18 сентября 1959 года суд приговорил Глатмена к смертной казни в газовой камере тюрьмы Сан-Квентин.

Деннис Рейдер охотно цитировал Харви Глатмена: «Все дело в веревке». Но что именно это значило? Веревка символизировала абсолютную власть над жертвой. Заветной мечтой и Рейдера, и Глатмена было бесконечно долго пытать жертву, не давая ей умереть и наслаждаясь собственной властью. Оба они стремились к этому, но оба понимали, что подобное невозможно.

Различная длительность криминальной карьеры обоих убийц определяется не более чем простым везением. Ни Рейдер, ни тот же Гэри Риджуэй не отличались особым интеллектом. Они были одержимы своими преступлениями, и лишь по счастливой (для них) случайности их не вычислили раньше. Как ни парадоксально, но задержание Рейдера очень напоминало операцию по захвату другого серийного убийцы, которого поймали уже после выпуска первого тиража «Охотника за разумом». По всей видимости, последний маньяк оказался куда умнее троих предыдущих, вместе взятых.

В главе 17 («Жертвой может стать каждый») мы рассказываем о тогда еще не вычисленном Унабомбере, который отправлял ученым и сотрудникам технологического сектора хитроумно заминированные посылки. В результате его действий трое погибли, а еще двадцать три человека получили увечья. Преступник даже умудрился подкинуть взрывное устройство в

багаж одному из пассажиров рейса авиакомпании «Американ эйрлайнз» из Чикаго, но взрывчатка сперва задымилась, и пилот своевременно совершил аварийную посадку.

В отличие от Денниса Рейдера, Унабомбер не работал на публику. Его прозвище появилось благодаря делу под кодовым названием «УНАБОМ», то есть «Университетский и Авиационный БОМбист». Между специалистами из ФБР и постоянно растущей опергруппой возникли разногласия относительно личности субъекта. Мы никак не могли определиться, был ли он сотрудником авиакомпании (возможно, работал механиком и обладал техническими навыками, коль скоро так умело собирал взрывные устройства) или, как считал Джон, имел отношение к научным кругам, так как обладал специфическими знаниями об устройстве бомб и мастерски планировал закладку. Субъект также начинял бомбы посторонними добавками – древесиной и корой, – что дополнительно сбивало следствие с толку.

Когда Унабомбер начал отправлять письма в газету «Нью-Йорк таймс», сетуя на крупные корпорации, наносившие вред окружающей среде (к примеру, он ссылаясь на аварию танкера «Эксон Вальдез», приведшую к масштабному разливу нефти), Джон окончательно уверился, что манера выражаться выдает связь с научными кругами. Претензии, высказываемые в посланиях, и использование дерева в бомбах натолкнули следствие на мысль, что Унабомбер является своего рода неолуддитом – ярким противником технологий.

Так прошло несколько лет. Наконец, насытившись периодическими подрывами, Унабомбер опубликовал в «Нью-Йорк таймс» ультиматум. Он обещал прекратить свою преступную деятельность, если «Таймс» и «Вашингтон пост» опубликуют его манифест об индустриализации. В противном случае он грозил новыми взрывами.

Заявление вызвало целый вал ожесточенных споров среди журналистов, в правоохранительных службах и на совместных пресс-конференциях. Руководство «Таймс» и «Вашингтон пост» беспокоилось, что Унабомбер создаст прецедент для других преступников и отныне издатели газет станут заложниками любого сумасшедшего, который вознамерится довести до широкой общественности свои бредовые идеи. Правоохранительные органы не хотели идти на поводу убийцы и тоже опасались, что согласие на публикацию породит целую толпу подражателей.

Позиция отдела следственного сопровождения Куантико была несколько более приземленной: общественность – наш самый большой друг и помощник. Когда все логичные и разумные наводки уже исчерпаны, следует просить помощи у простых граждан. Генеральный прокурор Джанет Рено согласилась с мнением ОСС.

В прошлом такой подход уже показал свою эффективность. Чуть позже вы ознакомитесь с подробностями расследования спецagenta и профайлера Яны Монро, занимавшейся тройным убийством в Тампа-Бэй. В какой-то момент у нее появилась идея разместить на рекламных щитах записку, предположительно написанную рукой преступника. Это помогло выйти на Обу Чандлера, который впоследствии был арестован, осужден и казнен за совершенные им деяния.

Сегодня о деле Унабомбера не слышал только ленивый. Газеты в итоге опубликовали в особой колонке эссе в тридцать пять тысяч слов под названием «Индустриальное общество и его будущее». Эссе попало на глаза Линде Патрик, и она дала его почитать своему мужу Дэвиду Казински, специалисту по работе с молодежью и социальному работнику. Ей показалось, что идеи, высказанные в манифесте, удивительно похожи на взгляды Теда, старшего брата мужа, которого Линда подозревала и ранее. Теодор «Тед» Казински получил в Гарварде и университете Мичигана докторскую степень по математике, однако уже несколько десятилетий жил отшельником в лесной глуши Монтаны в крошечной хижине без электричества и воды.

Дэвиду и Линде пришлось пройти через настоящие муки совести, решившись выдать брата полиции. Прежде чем Дэвид рассказал, где именно находится Тед, он договорился, что брата не казнят, несмотря на его преступления. И хотя Бюро поощряет смертную казнь в качестве наказания за особенно жестокие серийные убийства, мы не могли осуждать Дэвида и

Линду за такую просьбу, ведь супруги совершили поистине героический поступок. Те-да приговорили к нескольким пожизненным срокам, и в данный момент он отбывает наказание в федеральной тюрьме строгого режима в городе Флоренс, штат Колорадо.

Можно ли было быстрее остановить «душителя СПУ» с помощью стратегии, использованной в случае с Обой Чендлером или Унабомбером? Вполне вероятно, но этого мы уже никогда не узнаем. Их преступления были совершенно разными, но что объединяет неуправляемого гения Теда Казински и ущербного садиста Денниса Рейдера, так это их безмерное самодовольство. Ни тот, ни другой не могли допустить, чтобы их таланты так и остались непризнанными. Именно это их и подвело.

Конечно, любое дело кажется простым и очевидным, когда оно уже раскрыто. По понятным причинам в ходе следствия детективы неохотно делятся информацией о преступнике. Но если бы полиция Учито все же обнародовала рисунки «душителя СПУ», описала места преступлений или раскрыла другие подробности дела, то, возможно, кто-нибудь из коллег Денниса Рейдера, прихожан церкви, знакомых или членов его семьи узнал бы его работы и позвонил в полицию. Ну или хотя бы заподозрил неладное.

С момента написания «Охотника за разумом» в мире криминальной «моды» произошли заметные изменения. В целом насильственных преступлений сегодня совершается меньше, однако число убийств на сексуальной почве практически не изменилось. По нашему мнению, причина в том, что данный тип криминальной патологии не столь сильно подвержен влиянию социальных факторов или растущего полицейского надзора, как прочие. Последние шестнадцать лет наше внимание все больше занимает локальный и международный терроризм – феномен, активизировавшийся только с 1995 года, когда произошел теракт в здании госучреждения в Оклахома-сити. Печально, что массовые убийства стали для нас обычным явлением. Вспомните, например, какой фурор вызвали события 1966-го, когда Чарльз Уитмен отстреливал прохожих с башни Техасского университета. (Вскрытие обнаружило у него небольшую опухоль головного мозга. Впрочем, со слов опытного невропатолога, она не затрагивала области, отвечающие за нормальное поведение.)

Как мы отмечали ранее, хотя типы преступлений изменились, мотивация, лежащая в их основе, осталась прежней.

О ком бы ни шла речь – о террористе Тед Казински, «техасском снайпере» Чарльзе Уитмене, бесчисленном множестве стрелков в школах или о толпах религиозных фанатиков, отравляющих жизнь современного мира, – в основе действий этих людей лежит одна и та же психология. Они убеждены в том, что могут прикрывать свое малодушие, скудоумие, бремя неудач или отсутствие жизненных целей массовым насилием, совершаемым якобы во имя политических взглядов, а на деле – исключительно ради самоутверждения. Опять-таки, вечно разрываясь между отчаянием, чувством собственного превосходства и себялюбием, все без исключения массовые убийцы будут оставаться глубоко ущербными людьми, страстно желающими стать хоть кем-то в жизни, наделить ее хоть каким-то смыслом. Отдельным из них, пусть и далеко не всем, даже хватает запала умереть во имя своего дела. Они так заблудились в лабиринте собственных предрассудков, что насилие для них – единственный способ самоутвердиться.

За годы, прошедшие с тех пор, как Джон ушел из ФБР и стал работать независимым экспертом, его взгляды, как и взгляды Марка, значительно расширились, что нашло отражение в наших последующих книгах. Агенты отдела следственного сопровождения работают исключительно с теми случаями, к расследованию которых их приглашают шерифы и полицейские, но никак не подсудимые. Когда же Джон вышел на пенсию, у нас появилась возможность взглянуть и на другую сторону медали. Стоит признать, что далеко не все официальные расследования могут похвастаться исчерпывающей точностью.

В качестве таковых можно привести убийство в 1993 году трех восьмилетних мальчиков в Арканзасе, приписанное так называемой «троице из Уэст-Мемфиса»; все еще нераскрытое дело 1996-го, когда на Рождество была задушена шестилетняя Джонбенет Рэмси в Боулдере, штат Колорадо; смерть двадцатидвухлетней студентки, гражданки Великобритании Мередит Керчер, приехавшей по обмену в 2007-м в итальянский город Перуджа, за которое по ошибке осудили студентку из США Аманду Нокс и ее итальянского бойфренда Рафаэля Соллечито. Все эти случаи служат наглядными доказательствами того, насколько полиция способна сбиться со следа, если с самого начала руководствуется лишь предвзятыми суждениями, а не объективными уликами, и к каким ужасающим последствиям могут привести подобные действия. Небрежный осмотр места преступления и некачественное хранение вещественных улик; ошибочные техники ведения допросов, приводящие к ложным показаниям; неверные домыслы и излишнее доверие тюремным стукачам (у них ведь свои корыстные цели, редко совпадающие с задачами следствия) в конечном итоге оборачиваются несправедливыми обвинениями и поломанными судьбами.

Не так давно нам самим пришлось пересмотреть собственные взгляды, в очередной раз размышляя над делами, в расследовании которых Джон принимал непосредственное участие, и теми эпизодами, которые описаны на страницах «Охотника за разумом». В главе 7 («Сердце тьмы») вы прочтете об интервью с серийным убийцей Уильямом Хайренсом, которое Джон и Боб Ресслер провели в тюрьме Стейтвилл в Крест-Хилле, штат Иллинойс. Этот была первая из многих бесед в ходе исследования природы серийного убийства. После Второй мировой войны Хайренс поселился в Чикаго и стал известен под прозвищем «помадный убийца», а впоследствии сознался и был осужден по обвинению в жестоком убийстве и расчленении шестилетней Сьюзан Дегнан.

Во время беседы Джона настолько поразило, как настойчиво Хайренс твердит о своей невинности, что он, по его словам, «вернулся в Куантико и перерыл все записи по его делу. Помимо признательных показаний и неопровержимых улик, на месте убийства Дегнан были найдены едва заметные отпечатки его пальцев. Но Хайренс провел в камере так много времени, размышляя об убийстве и убеждая себя в собственной невинности, что даже в тесте на полиграфе не проявил бы никаких признаков лжи».

Спустя много лет после выхода книги мы в очередной раз рассмотрели случай Хайренса во всех подробностях и наконец поняли, почему он так настаивал на своей невинности. Дело в том, что с крайне высокой степенью вероятности Уильям Хайренс действительно был невинен. Да, в колледже он частенько промышлял кражей со взломом, но, пусть и владея огнестрельным оружием, ни разу не проявил жестокость настоящего убийцы. Он совершенно точно не вписался бы в портрет, если бы Джон тогда его составлял. Но полиция, задержав Хайренса, тут же потеряла всякий интерес к поиску более подходящего кандидата на роль преступника. В конце концов, всем хочется, чтобы кровавого убийцу поймали как можно скорее.

Принимая во внимание более чем двадцатилетний опыт Джона, целиком посвятившего себя профайлингу и следственно-криминальному анализу; учитывая неважную репутацию полиции Чикаго, в 1930–1940-х годах славившейся привычкой «выбивать» признания из подозреваемых и подделывать улики (так было с Уильямом Хайренсом и одним афроамериканцем, который проходил главным подозреваемым, но в итоге оказался абсолютно невинным); понимая, что качество психологического портрета всецело зависит от информации и улик, которые предоставит полиция, нетрудно поверить, что Хайренс и в самом деле мог оказаться невинным.

Однако решение суда так и не пересмотрели. Уильям Хайренс, уже прикованный к инвалидному креслу, скончался в исправительной колонии города Диксон, штат Иллинойс, 5 марта 2012 года в возрасте восьмидесяти трех лет, побив национальный рекорд по сроку, проведенному за решеткой.

Вопреки желанию изменить или доработать некоторые детали нашего повествования в угоду новому изданию «Охотника за разумом», мы с гордостью представляем на суд читателя книгу в том виде, в котором она была написана еще в середине девяностых. На наш взгляд, лучше оставить все как есть, сделав лишь некоторые оговорки во введении. Подобно тому, как процесс мышления и мотивы поведения человека остаются неизменными, так и важнейшие основы криминальных расследований незыблемы посреди неумолимого течения времени. Несмотря на те преимущества, которые нам дарованы технологическим прогрессом, – компьютер, анализ ДНК, серология, изучение поджогов, революционный прорыв в дактилоскопии и баллистической экспертизе, – классический следственный анализ и его традиционные методики никуда не ушли, а достойной замены им пока не придумали. Они включают изучение места преступления и всех вещественных (и не только) доказательств, исследование тела жертвы, опрос свидетелей. Ни одна даже мельчайшая зацепка не должна оставаться без внимания, хотя, говоря по правде, вряд ли мы когда-нибудь сможем исключить влияние человеческого фактора.

То, что работало более двадцати лет назад, работает и по сей день и будет работать в таком далеком будущем, какое мы только можем представить.

Поведение – это зеркало личности. Чтобы спрогнозировать насилие в будущем, нужно заглянуть в прошлое. Хочешь понять «художника» – присмотришься к его «картинам». Преступление надо оценивать во всех его проявлениях, но опыт тут незаменим. Поэтому, чтобы понять, как мыслит преступник, нужно обратиться к первоисточнику и научиться правильно трактовать его сигналы. И самое главное, нужно помнить: что + почему = кто.

Ну а теперь позвольте пригласить вас на охоту.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер

Пролог. Я в аду

Похоже, я в аду.

Другого логического объяснения я не находил. Меня раздели и связали. Невыносимая боль. Руки и ноги сплошь изрезаны. На теле не осталось ни одного живого места. Мне что-то заталкивали в глотку, а я давился и корчился от боли. В уретру и анус воткнули острые предметы. Меня рвали на куски. Пот лился градом. А потом я наконец понял: все те убийцы, насильники и растлители, которых я в свое время упек за решетку, теперь обратили свою ненависть против меня. Жертвой стал я сам, и спасения не было.

Я знал, как они действуют; я видел их работу много раз. Они жаждут абсолютной власти. Стремятся подчинить своей воле и тело, и разум жертвы. Хотят единолично решать, жить ей или умереть, а если умереть – то как. Смерть не будет легкой: снова и снова приводя меня в чувство, они заставят меня балансировать на грани жизни и смерти, причиняя максимум боли и страданий. Самые опытные мучители способны продолжать пытки много дней подряд.

Они хотели показать мне, что я полностью и безоговорочно в их власти. Чем больше я кричал, чем больше молил о пощаде, тем сильнее разжигал их мрачную фантазию. Взывай к милосердию, зови мамочку или папочку, – душегубы лишь пуще распалятся.

Вот что я заслужил за шесть лет охоты на худших представителей человечества.

Сердце бешено стучало, я был словно в бреду. Они протолкнули острие еще глубже в уретру, и невыносимая боль обжигающей волной прокатилась по всему телу. Я забился в конвульсиях и агонии.

«Боже милостивый, если я все еще жив, позволь мне умереть быстро. А если я уже мертв, избавь меня от пыток и спаси из этого ада», – стучало в голове.

А затем темноту прорезал яркий свет, который, говорят, появляется в момент смерти. Я ждал Христа, ангелов или демонов – об этом я тоже был наслышан. Но, кроме света, ничего не видел.

Но зато я слышал голос: он утешал, наполнял надеждой. Самый умиротворяющий голос на свете: «Джон, все хорошо. Мы стараемся тебе помочь», – и это было последнее, что я запомнил.

– Джон, ты меня слышишь? Все хорошо. Тише. Ты в больнице. Ты тяжело болен, но мы стараемся тебе помочь. – Как оказалось, это говорила медсестра. Она не знала, слышу ли я ее, но повторяла и повторяла эти слова, и они бальзамом проливались на мое истерзанное сознание.

Хотя тогда я этого и не понимал, но от комы я очнулся в палате интенсивной терапии больницы Суидиш в Сиэтле, подключенный к аппарату искусственного дыхания. Ноги и руки пристегнули к койке. Тут и там из тела торчали трубки, шланги, капельницы и катетеры. Никто не верил, что я выкарабкаюсь. На дворе стояло начало декабря 1983 года. Мне было тридцать восемь.

А началось все тремя неделями ранее на другом конце страны. Я выступал в Нью-Йорке с лекцией на тему профайлинга в криминалистике перед аудиторией из трехсот пятидесяти человек, среди которых были сотрудники местного полицейского управления, транспортной полиции, представители правоохранительных органов Нассау, Суффолка и Лонг-Айленда. Эту лекцию я читал уже столько раз, что знал ее наизусть.

И вдруг мне стало худо. На лбу выступил холодный пот. Я отдавал себе отчет в том, что продолжаю говорить, но мысленно обращался к самому себе: «Как, черт возьми, раскрыть все эти дела?» Я едва расправился со случаем детоубийцы Уэйна Уильямса в Атланте и с серийным убийцей на почве расовой ненависти в Буффало, получившим прозвище «22-й калибр»,

как меня пригласили расследовать дело «убийцы из чащи» в Сан-Франциско. Одновременно я консультировал Скотленд-Ярд по делу «йоркширского потрошителя» в Англии и постоянно мотался на Аляску, стараясь накрыть Роберта Хансена – анкориджского пекаря, который похищал проституток, вывозил подальше в лес и устраивал там сафари с их участием. Еще на мне висел серийный поджигатель синагог в Хартфорде, штат Коннектикут, а через две недели нужно было лететь в Сиэтл, чтобы проконсультировать оперативников в Грин-Ривер по делу, грозившему стать самой масштабной серией убийств в истории США: между Сиэтлом и Такомой завелся некий убийца, отслеживавший проституток и бродяжек.

Вот уже шесть лет я разрабатывал новый метод криминального анализа и при этом оставался единственным в поведенческом отделе, кто параллельно на полной ставке занимался нераскрытыми делами. Все остальные по большей части работали инструкторами. На тот момент я вел около ста пятидесяти расследований, и никто мне не помогал. Из своего рабочего кабинета в Академии ФБР, расположенной в Куантико, штат Вирджиния, я отправлялся в командировки 125 раз за год. Местные копы давили на меня со всех сторон, а на них, в свою очередь, давили общественность и семьи жертв, которым я всегда искренне сочувствовал. Преступников надо было найти. Я тщетно пытался грамотно расставить служебные приоритеты, но день за днем меня заваливали тоннами новых запросов. Коллеги по академии в шутку называли меня шлюхой, ведь я никогда не отказывал клиентам.

На той лекции в Нью-Йорке я по инерции продолжал говорить о различных типах личностей преступников, но мыслями снова и снова возвращался в Сиэтл. Я знал, что далеко не все оперативники рады меня видеть, и привык к такому отношению. И еще я знал, что должен завоевать их доверие, как бывало в любом другом крупном расследовании, куда меня приглашали, поскольку большинство рядовых копов и даже высоких чинов в ФБР все еще считали, что мое ремесло недалеко ушло от колдовства. Мне нужно быть убедительным, но не слишком самоуверенным, и тем более не выпендриваться. Мне предстояло, с одной стороны, дать детективам понять, что я не сомневаюсь в их профессионализме, а с другой – продемонстрировать, что ФБР действительно способно им помочь. Но, наверное, самое сложное, что в моей работе были задействованы не «только факты, мэм», как у большинства агентов ФБР, а *мнения*. Меня ни на минуту не покидала мысль, что любая моя ошибка способна направить расследование серийных убийств по ложному следу, и тогда не миновать новых жертв. Мало того: каждый промах забивает гвоздь в крышку гроба новой программы оценки и анализа психологического портрета преступника, над которой я корпел столько лет.

А впереди меня ждал долгий перелет. Мне уже приходилось несколько раз бывать на Аляске: я пересекал четыре часовых пояса, вцепившись в сиденье так, что белели костяшки пальцев, летел над самой водой и приземлялся уже затемно. А сразу по завершении встречи с местной полицией мне предстояло снова трястись в самолете на пути обратно в Сиэтл.

Паническая атака длилась, быть может, не более минуты. Я твердил себе: «А ну-ка, Дуглас, соберись. Возьми себя в руки». И мне это удалось. Вряд ли хоть один слушатель в том зале заподозрил неладное. Но чего я не сумел, так это избавиться от навязчивого ощущения, что со мной вот-вот произойдет нечто ужасное.

Не в силах справиться с дурным предчувствием, по возвращению в Куантико я напрямую отправился в отдел кадров и оформил дополнительное страхование жизни и доходов на случай собственной инвалидности. Не знаю точно, что послужило причиной, кроме неявного, но неотвязного страха. Я выгорел; я слишком много работал и, пожалуй, пил больше, чем нужно, чтобы справляться со стрессом. Я страдал от бессонницы, а едва удавалось провалиться в сон, меня вскоре будил чей-нибудь звонок: срочно требовалась моя помощь в очередном деле. Пытаясь снова заснуть, я заставлял себя думать о делах в надежде, что меня вдруг осенит. Теперь, оглядываясь назад, совсем нетрудно догадаться, к чему рано или поздно приведет такой образ жизни, но тогда у меня просто не было выбора.

Перед отъездом в аэропорт я вдруг решил заскочить в начальную школу, где моя жена Пэм обучала чтению детей с отставанием в развитии, и рассказать ей о новой страховке.

– Зачем это? – спросила она с тревогой в голосе.

Меня мучила страшная мигрень с правой стороны головы, а еще, как отметила жена, глаза у меня налились кровью, да и вообще выглядел я неважно.

– Просто хотел предупредить перед отъездом, чтобы ты была в курсе, – ответил я.

Тогда мы уже воспитывали двух дочерей: Эрике исполнилось восемь, а Лорен – три.

В Сиэтл я прихватил с собой двух новых спецagentов, Блейна Макилуэйна и Рона Уокера, намереваясь привлечь их к делу. Мы прибыли ночью и заселились в отель «Хилтон», расположенный в центре города. Разбирая чемодан, я обнаружил, что в нем только одна черная туфля. Либо я попросту забыл взять вторую, либо каким-то образом потерял ее по дороге. Утром мне предстояло выступить с презентацией в полиции округа Кинг, и без строгих черных туфель тут не обойтись. Я всегда уделял большое внимание собственному внешнему виду, а в силу накопившейся усталости и стресса доходил буквально до мании. Я не мог и помыслить, что к костюму у меня не будет пары черных туфель. Я выскочил на улицу в поисках открытого обувного магазина и, когда мне наконец удалось его отыскать, вернулся в отель совершенно вымотанный, но с подходящей парой обуви.

Утром в среду я выступил с презентацией перед полицией и целой командой специалистов, среди которых были представители порта Сиэтла и пара местных психологов, приглашенных для участия в расследовании. Всех интересовал мой профайл убийцы: возможно ли участие нескольких преступников, каковы особенности их личности. Я пытался донести до аудитории, что в деле такого типа психологический портрет не имеет особого значения. У меня не было никаких сомнений в том, что за человека мы ищем, – как и в том, что под мое описание подойдет множество людей.

В случае нынешней серии убийств гораздо важнее, как я считал, действовать упреждающе, то есть использовать совместные усилия полиции и средств массовой информации, чтобы заманить душегуба в ловушку. Например, я предложил организовать среди местных жителей обсуждения этих преступлений. У меня были основания полагать, что убийца рано или поздно объявится на одном из таких диспутов. Кроме того, возможно, удастся выяснить, имеем мы дело с одним или несколькими преступниками. Я придумал еще один трюк: объявить в новостях, будто полиция нашла свидетелей похищений. Предчувствие подсказывало мне, что мы вынудим убийцу к собственным «упреждающим действиям»: он постарается убедить остальных, что оказался поблизости совершенно случайно. Но уверен я был только в одном: кто бы ни стоял за этими зверствами, он, в отличие от меня, не знал усталости.

Затем я дал несколько советов по поводу допроса подозреваемых – как тех, кого копы вычисляют самостоятельно, так и несчастных безумцев, которые неизбежно подойдут под описание крайне распространенного психотипа. Остаток дня мы с Макилуэйном и Уокером посвятили осмотру мест, где обнаружили трупы, и к моменту возвращения в отель я был выжат как лимон.

За бокалом горячительного в баре отеля, где мы с Блейном и Роном пытались развеяться, я признался коллегам, что чувствую себя неважно. Голова по-прежнему адски трещала, я опасался, что подхватил грипп, и попросил ребят подменить меня на завтрашней встрече с полицией. Надеясь, что денек в постели поставит меня на ноги, я пообещал вернуться в строй в пятницу. Пожелав своим помощникам спокойной ночи, я отправился к себе в номер и повесил на дверь табличку «не беспокоить».

Все, что я помню, это как уселся на кровать и начал раздеваться. Мне было очень плохо. В четверг мои коллеги-агенты отправились в здание суда округа Кинг и продолжили развивать идеи, обрисованные мной накануне. Как я и просил, меня не трогали, позволив отоспаться и подавить болезнь в зародыше.

Тревогу забили в пятницу утром, когда я не спустился к завтраку. Ребята позвонили в номер, но никто не снял трубку. Тогда они поднялись ко мне и стали колотить в дверь. Все тщетно.

Не на шутку встревоженные, агенты обратились к управляющему и потребовали ключ от моего номера. Но когда они отперли замок, путь преградила дверная цепочка. И тут из глубины комнаты донесся приглушенный стон.

Выбив дверь, парни ворвались внутрь. По их словам, я валялся на полу «в позе лягушки», полураздетый, и, похоже, пытался дотянуться до телефона. Левая половина тела тряслась в конвульсиях, а еще, как позже уверял Блейн, я «весь пылал».

Из отеля немедленно позвонили в больницу Суидиш, откуда за мной выехала скорая. Блейн и Рон тем временем оставались на телефоне с диспетчерской, то и дело сообщая текущие данные: температура перевалила за 41 градус по Цельсию, пульс – 220. Левую сторону напрочь парализовало, припадки продолжались и в карете скорой. В медицинском заключении отметили «симптом кукольных глаз»: взгляд расфокусирован и привязан к одной точке.

Едва мы оказались в больнице, меня тут же обложили льдом и накачали слоновьей дозой фенотарбита в внутривенно в попытке унять конвульсии. Доктор потом признался Блейну и Рону, что такой дозой можно было бы усыпить чуть ли не весь Сиэтл.

Он также сообщил, что, несмотря на все усилия врачей, шансов у меня мало. Томография показала обширное кровоизлияние в правом полушарии головного мозга, спровоцированное сильным жаром.

– Проще говоря, – пояснил доктор, – мозг спекся до корочки.

Было 2 декабря 1982 года. Моя новая страховка вступила в силу днем ранее.

Начальник моего отдела Роджер Деппю отправился в школу к Пэм, чтобы лично ей обо всем рассказать. Потом Пэм и мой отец Джек вылетели ко мне в Сиэтл. Девочек оставили на попечение Долорес, моей матери. В аэропорту родных встретили двое агентов из регионального отделения ФБР в Сиэтле, Рик Мейтерс и Джон Байнер, и сразу же повезли в больницу. Только там они узнали, насколько все плохо. Доктора старались морально подготовить Пэм к моей смерти: мол, даже если я выживу, то ослепну и стану овощем. Будучи католичкой, жена пригласила священника, чтобы меня соборовали, но тот отказался, узнав, что я пресвитерианец. Тогда Блейн и Рон выставили его за дверь и отыскивали другого священника, без предрассудков, умоляя его помолиться за меня.

Целую неделю я был в коме, болтаясь между жизнью и смертью. По правилам отделения интенсивной терапии навещать меня могли только родные, так что мои коллеги из Куантико, Рик Мейтерс и другие ребята из местного отделения ФБР срочно заделались моими близкими родичами. «Большая у вас семейка», – с иронией заметила в разговоре с Пэм одна из медсестер.

Вообще-то, в шутке про «большую семью» была и доля правды: в Куантико несколько моих коллег под предводительством Билла Хагмайера из отдела поведенческого анализа и Тома Коламбелла из Национальной академии организовали сбор средств, чтобы Пэм с отцом могли спокойно побыть со мной в Сиэтле. Не успели мы оглянуться, как полицейские со всех концов страны стали присылать пожертвования. Одновременно были сделаны необходимые приготовления, чтобы отправить мое тело обратно в Вирджинию, где мне предстояло быть похороненным на военном кладбище Куантико.

Ближе к концу недели Пэм, отец, агенты ФБР и священник собрались вокруг моей постели, взяли меня за руки и стали молиться. Той же ночью я вышел из комы.

Я помню, как удивился присутствию Пэм и отца, да и всей обстановке в целом. Поначалу разговаривать я не мог; левая половина лица обмякла, ведь мощный паралич затронул всю левую сторону тела. Постепенно дар речи стал возвращаться, но первое время звуки выходили совсем бессвязными. Еще через некоторое время я научился сначала понемногу, а потом все увереннее шевелить ногой. Глотка ужасно болела из-за трубки искусственного питания.

От припадков теперь мне давали не фенobarбитал, а дилантин. После кучи анализов, компьютерных томографий и поясничных пункций мне наконец поставили окончательный диагноз: вирусный энцефалит, усугубленный стрессом и общим ослабленным состоянием. Мне еще повезло, что я выжил.

Восстановление было невыносимо мучительным. Мне пришлось заново учиться ходить. Начались проблемы с памятью. Чтобы я поскорее запомнил фамилию лечащего врача – Сигал, – жена принесла мне фигурку чайки³ из морских ракушек, сидящую на пробковой подставке. Когда доктор вновь пришел проверить, как восстанавливаются мои когнитивные способности, и спросил, помню ли я его имя, я пробормотал:

– Конечно, доктор Чайка.

Несмотря на терпение близких и всестороннюю поддержку, которую мне оказывали, реабилитация совсем меня доконала. Я слишком привык все время чем-то заниматься, куда-то бежать. Когда мне позвонил директор ФБР Уильям Уэбстер и попытался приободрить, я пожаловался, что вряд ли снова смогу стрелять.

– Насчет этого не беспокойся, Джон, – заверил он, – нам нужна твоя голова.

Я не стал его расстраивать, но и от нее мало что осталось.

Домой из больницы меня выписали за два дня до Рождества. Перед отъездом я от всей души поблагодарил врачей скорой и сотрудников отделения интенсивной терапии за спасение моей жизни и подарил им памятные значки.

Роджер Деппю подобрал нас в аэропорту Даллеса и отвез домой, во Фредериксберг, где меня встречали флагом США и плакатом с надписью: «С возвращением, Джон!» Я похудел килограммов на пятнадцать. Увидев меня осунувшимся, в инвалидном кресле, мои дочери Эрика и Лорен так расстроились, что еще долгие годы спустя не хотели опускать меня в очередную командировку.

Рождество выдалось невеселым. Я почти не виделся с друзьями и общался только с Роном Уокером, Блейном Макилуэйном, Биллом Хагмайером и еще одним агентом из Куантико, Джимом Хорном. Я уже мог обойтись без коляски, но передвигался по-прежнему с трудом. Беседы отнимали у меня много сил. Глаза постоянно были на мокром месте, а память то и дело отказывала. Когда Пэм или отец катали меня по Фредериксбергу и мы натыкались на какое-нибудь здание, я не мог с точностью вспомнить, новое оно или старое. Я превратился в классическую жертву инсульта и мог только гадать, сумею ли вернуться к работе.

В том, через что мне пришлось пройти, я винил только Бюро. Еще в феврале прошлого года я разговаривал с заместителем директора Джимом Маккензи. Я предупредил, что не смогу и дальше функционировать в таком режиме, и попросил выделить помощников.

Маккензи от души мне сочувствовал, но был реалистом.

– Ты ведь знаешь, как тут все устроено, – пожал он плечами. – Надо урботаться насмерть, прежде чем тебе соберутся помочь.

Мне постоянно казалось, что мое рвение не только не поддерживают, но и не ценят. Однако меня ценили, да еще как. В прошлом году, когда я надрывался над делом детоубийцы из Атланты, Бюро объявило мне официальный выговор в связи с интервью, опубликованным в газете сразу после задержания Уэйна Уильямса. На вопрос журналиста о том, подходит ли этот подозреваемый на роль преступника, я ответил, что он «неплохо вписывается», а если постараться, то подойдет и по меньшей мере к нескольким другим делам.

И хотя ФБР само просило меня дать интервью, я же потом оказался крайним: мол, неподобающим образом комментирую еще не закрытые дела. Якобы меня предупреждали об этом еще пару месяцев назад, когда я давал интервью журналу «Пипл». Как типично для правительственных бюрократов! В штабе Бюро в Вашингтоне меня благополучно отчитали в отделе

³ Seagull – чайка (англ.) созвучно фамилии Siegal.

персональной ответственности, а спустя шесть месяцев бюрократической суеты официально вручили письмо о взыскании. Позже за то же дело я получил похвальную грамоту, но поначалу выволочка служила единственной благодарностью Бюро за помощь в раскрытии «преступления века», как его окрестила пресса.

Почти ни с кем, даже с женой, нельзя поделиться тем, что составляет работу сотрудника правоохранительных органов. Не очень-то хочется тащить в дом истории о том, как днями напролет рассматриваешь изуродованные трупы, среди которых попадаются и дети. За ужином не принято говорить: «Сегодня попалось интересненькое убийство на почве сексуального садизма. Сейчас расскажу». Вот почему копов нередко тянет к медсестрам и наоборот: в каком-то плане ремесло у них похожее, и они могут понять друг друга.

И даже прогуливаясь по парку или лесу, скажем, со своими девочками, я примечаю похожие детали и думаю: «Прямо точь-в-точь как там, где мы нашли ту восьмилетку». И сколько бы я ни дрожал за безопасность дочерей, навидавшись в жизни всяких ужасов, порой мне бывает трудно воспринимать всерьез незначительные, хоть и крайне важные шишки и ссадины, неизбежные в детстве. Иной раз я возвращаюсь домой, и Пэм рассказывает, что одна из девочек свалилась с велосипеда и теперь рану придется зашивать, а в памяти у меня вспыхивает образ другой девочки, сверстницы моей дочери, и все те швы, которые пришлось наложить патологоанатому, чтобы подготовить тело к похоронам.

У Пэм был свой круг друзей, местных активистов, но меня они мало интересовали. Кроме того, из-за моих постоянных командировок львиная доля домашних хлопот – воспитание детей, счета, уборка – лежала на плечах жены. И это лишь малая часть проблем, раздражавших тогда нашу семью. Не сомневаюсь, что по меньшей мере старшая дочь, Эрика, чувствовала повисшее в доме напряжение.

Меня никак не отпускала обида на Бюро и его порядки за то, что со мной случилось. Месяц спустя после возвращения домой я сидел на заднем дворе и сжигал опавшие листья. Повинуясь импульсу, я зашел в дом, собрал все копии психологических портретов и написанные мной статьи, вынес их наружу и швырнул в огонь. Избавившись от целой кипы макулатуры, я получил хорошую эмоциональную разрядку.

Еще несколько недель спустя, когда я снова смог водить машину, я решил отправиться на Национальное кладбище Куантико, чтобы посмотреть, где мне предстояло быть похороненным. Могилы там расположены по датам смерти, так что, умри я первого или второго декабря, мне досталось бы самое неприятное место: моей соседкой стала бы совсем юная девушка, которую зарезали по пути домой неподалеку нас. Я как раз занимался ее делом, и виновного до сих пор не нашли. Предаваясь размышлениям на ее могиле, я вспомнил, сколько раз сам советовал полиции установить наблюдение за кладбищами, не сомневаясь, что убийца захочет навестить свою жертву. Забавно, если по подозрению в том преступлении схватят и меня.

С момента инсульта, настигшего меня в Сиэтле, прошло уже четыре месяца, но я по-прежнему сидел на больничном. Состояние усугубилось тромбами, образовавшимися в ногах и легких из-за продолжительного постельного режима, и каждый день жизни давался мне с огромным трудом. Я по-прежнему не знал, смогу ли вообще работать, а если смогу, сохраню ли уверенность в себе. А тем временем Рой Хейзелвуд из числа инструкторов отдела поведенческого анализа по совместительству взвалил на себя все мои незакрытые дела.

В Куантико я наведалься только в апреле 1984 года, выступив с лекцией перед пятьюдесятью действующими профайлерами региональных отделений ФБР. Ноги у меня все еще отекали из-за тромбов, и в аудитории я появился в домашних тапочках. Агенты из разных уголков страны встретили меня стоячей овацией. Спонтанность порыва подтверждала их искреннее восхищение: эти люди лучше всех понимали, чем я занимался и какие методы всеми силами старался внедрить в Бюро. Впервые за много месяцев меня оценили и одобрили. И я почувствовал себя как дома.

Через месяц я вернулся на службу.

Глава 1. Мысли как убийца

Поставь себя на место охотника.

Именно так я и работаю. Вспомните фильмы о дикой природе: вот лев на просторах Серенгети в Африке. Он следит за огромным стадом антилоп на водопое. Но каким-то образом – мы видим по глазам – он выбирает одну из тысячи. Он выработал в себе умение чутко чувствовать слабость, уязвимость, нечто такое, что делает единственную антилопу из всего стада его будущей добычей.

То же самое и с хищниками среди людей. Я становлюсь одним из них, каждый день я охочусь, выслеживаю жертву, выжидаю удобный момент. К примеру, вот я в торговом центре. Здесь бродят тысячи людей. Я направляюсь к игровым автоматам и, оглядывая полсотни ребят, должен превратиться в охотника, в тонкого психолога, угадать, кто из пятидесяти с лишним детей самый уязвимый, кому быть жертвой. Нужно смотреть, как ребенок одет. Уметь подмечать внешние невербальные признаки. И делать это в мгновение ока, как настоящий профессионал. Выбрав цель, я начинаю действовать. Я должен точно знать, каким образом можно тихо, без лишнего шума и не привлекая внимания, вывести ребенка из торгового центра, пока его родители отовариваются двумя этажами ниже. Я не имею права на ошибку.

Таких людей подстегивает возбуждение охотника. В момент выбора жертвы у них по коже словно пробегает легкий гальванический разряд. Думаю, лев в дикой природе испытывает примерно то же самое. При этом не имеет никакого значения, говорим мы о тех преступниках, кто выбирает только детей, юных девушек, стариков, проституток и так далее, или о тех, у кого нет определенных предпочтений. В каком-то смысле все они одинаковы.

Но есть между ними и отличия, и подсказки, которые охотник оставляет на месте преступления, ведут нас к особенностям его характера. Именно благодаря им у нас в руках появилось новое оружие для интерпретации отдельных преступлений против личности, а также для поиска, ареста и наказания виновных. Большую часть своей профессиональной карьеры в качестве спец-агента ФБР я посвятил разработке этого оружия, о нем и рассказывает книга. Каждое без исключений жестокое преступление в истории человечества порождает главный вопрос, который не дает нам покоя: что за человек способен на такое? Ответ на него мы, сотрудники отдела следственного сопровождения ФБР, и пытаемся дать, применяя инструментарий психологических портретов и анализа места преступления.

Поведение – это зеркало личности.

Не всегда легко и уж точно всегда неприятно влезать в шкуру убийцы – или, если угодно, мыслить, как он. Но такая у нас работа. Мы должны попытаться прочувствовать каждого из них.

Любая деталь на месте преступления что-нибудь говорит о субъекте – так на полицейском жаргоне называют неизвестного подозреваемого, – совершившем правонарушение. Анализируя максимально возможное число преступлений и общаясь с экспертами – то есть с самими преступниками, – мы учимся интерпретировать оставленные ими следы точно так же, как врачи определяют болезнь и ставят диагноз по симптомам. И, подобно медику, который на основе прошлого опыта опознает заболевание по его проявлениям, мы делаем выводы на основании того или иного набора признаков.

Однажды в начале 1980-х, когда в рамках полевого исследования я активно опрашивал осужденных убийц, мне довелось оказаться в старинной каменной тюрьме в готическом стиле, где находится государственная исправительная колония штата Мэриленд в Балтиморе. Я сидел в кругу жестоких преступников, и каждый из них был по-своему уникален: убийца полицейского, детоубийца, наркотики, громилы, – но меня больше всего интересовали насиль-

ники-душегубы, а точнее, их *modus operandi*⁴, поэтому я решил спросить, нет ли здесь подходящего объекта для изучения.

– Ага, Чарли Дэвис, – ответил один из заключенных.

Правда, остальные сошлись на том, что он вряд ли станет разговаривать с федералом. Один из заключенных отправился поискать Чарли во дворе. Ко всеобщему удивлению, Дэвис, движимый скорее любопытством и скукой, нежели желанием помочь, вскоре присоединился к нам и сел в круг. В полевых исследованиях нам часто играло на руку, что заключенные полагают целой кучей свободного времени и не знают, чем заняться.

Обычно при проведении тюремных интервью – и так повелось с самого начала – мы стараемся заранее выяснить о субъекте как можно больше. Мы изучаем отчеты полиции, фотографии с места преступления, записи со вскрытия, стенограммы допросов – словом, все, что может пролить свет на личность преступника. Кроме того, так мы получаем гарантию, что он говорит начистоту, а не играет с нами в игры ради собственного развлечения. Но тогда, признаюсь, я пришел неподготовленный, и мне пришлось импровизировать.

Дэвис оказался дюжим громилой под два метра ростом, немного за тридцать, гладко выбритым и аккуратно подстриженным. Я начал с того, что признался:

– Ты застал меня врасплох, Чарли. Я даже не в курсе, за что ты сидишь.

– За убийство пятерых человек, – ответил он.

Я попросил его рассказать о месте преступления и о том, что он сделал со своими жертвами. Оказалось, что Дэвис на полставки работал водителем скорой. Он задушил женщину, спрятал труп у дороги на вверенной ему территории, сделал анонимный звонок, сам же на него ответил и забрал тело. Когда он клал жертву на каталку, никто из сотрудников скорой и не догадывался, что убийца совсем рядом, среди них. Больше всего Дэвиса завело именно чувство полного контроля над ситуацией, собственная хитрая «режиссура» наполнила его невероятным возбуждением. Подобные примеры, раскрывающие возможные техники исполнения преступлений, бесценны для нас.

Удушение же означало, что убийство было спонтанным. Поначалу-то Чарли интересовало изнасилование.

Я сказал ему:

– Из тебя вышел бы отличный суровый коп. Тебе понравилось бы работать в полиции, обладать властью. А вместо этого ты взялся за дурацкую работенку, не достойную твоих способностей.

Рассмеявшись, он признался, что его отец был лейтенантом полиции.

Я попросил Дэвиса описать привычный ему образ действия: скажем, он преследует молодую женщину до парковки у ресторана. Благодаря связям отца с легкостью выясняет ее личные данные по номеру машины. Потом звонит в ресторан и сообщает, что она оставила фары включенными. Вот женщина выходит, и тут он ее хватает, заталкивает в свою или ее машину, пристегивает наручниками и увозит.

О каждом из пяти убийств он рассказывал строго по порядку, будто смакуя воспоминания. Добравшись до последней жертвы, убийца отметил одну деталь, на которую только сейчас обратил внимание: он закрыл девушке лицо.

На этом моменте я его прервал:

– Чарли, вот что я тебе скажу. У тебя проблемы с женщинами. Когда ты совершил первое убийство, с деньгами у тебя было туговато. Неудивительно, что парень далеко за двадцать, выполняющий недостойную его работу, будет злиться на жизнь и чувствовать, что попусту ее прожигает.

⁴ Образ действия (*лат.*).

Он нехотя кивнул. Что ж, пока неплохо. Хотя я не сказал ничего такого, о чем нельзя было бы догадаться.

– Ты слишком много пил, – продолжал я, – наделал долгов. Постоянно ссорился со своей женщиной. – Он не говорил мне, что жил с кем-то, но я почти не сомневался. – А по ночам, когда совсем прижимало, ты выходил на охоту. Конечно, охотиться на собственную подружку как-то не с руки, и ты выплескивал накопившееся на других.

По невербальным признакам я видел, как он открывается. Я располагал весьма скудной информацией, но решил продолжать:

– Но последнюю жертву ты прикончил намного нежнее. Она не такая. Ты позволил ей одеться, после того как изнасиловал ее. Ты закрыл ей лицо, чего не делал с предыдущими четырьмя. В отличие от тех случаев, последнее убийство не принесло тебе удовольствия.

Когда объект анализа начинает слушать тебя во все уши, становится ясно, что он на крючке. Этому трюку я научился на бесчисленных интервью в тюрьмах и раз за разом применял его на допросах. Я видел, что полностью завладел вниманием Чарли.

– Она сказала тебе нечто такое, из-за чего тебе расхотелось ее убивать, но ты все равно это сделал.

Внезапно Дэвис покраснел как рак и будто погрузился в транс. По его глазам я видел, что мыслями он вернулся к тому дню. Наконец он робко признался, что у мужа той женщины были проблемы со здоровьем и что она за него сильно переживала. Он тяжело болел, едва ли не лежал при смерти. Блефовала жертва или нет, я не знаю и вряд ли смогу выяснить. Но на Дэвиса ее слова явно произвели сильное впечатление.

– Я не прятал лицо, – пояснил он. – Она могла меня узнать, так что ее все равно пришлось убить.

Немного погодя я спросил:

– Ты ведь что-то у нее забрал, верно?

Чарли снова кивнул, подтвердив, что забрал из кошелька рождественскую фотографию ее семьи: жертва, муж и ребенок.

Хотя я никогда раньше не встречался с Дэвисом, у меня уже начало складываться о нем определенное впечатление. Я добавил:

– И на кладбище ты тоже был, да, Чарли?

Судя по краске, красноречиво залившей лицо, насильник отслеживал все новости по делу об убийстве и знал, где похоронили жертву.

– Ты отправился туда, потому что испытывал угрызения совести. Но на могилу ты пришел не с пустыми руками.

Прочие заключенные хранили молчание, жадно слушая. Они никогда не видели Дэвиса в таком состоянии. Я настойчиво повторил:

– Ты что-то принес на могилу. Что именно, Чарли? То фото?

Он только кивнул и бессильно уронил голову.

Ловкость рук и никакого мошенничества, хотя остальные сочли бы мой фокус сущим колдовством. Ясное дело, я лишь высказывал догадки, но они строились на квалификации, исследованиях и практическом опыте, который мы с коллегами успели накопить и продолжали кропотливо собирать. Например, мы выяснили, что старая быль об убийцах, приходящих на могилу своей жертвы, чаще всего оказывается явью, но по ряду причин это происходит не всегда.

Поведение – зеркало личности.

Причина, по которой наша работа просто необходима, состоит в изменчивой природе самой преступности. Мы все наслышаны об убийствах на почве наркотиков, чумой накрывших чуть ли не каждый город. О перестрелках, ставших столь обыденным проявлением националь-

ного позора. И все же большая часть преступлений, особенно совершенных с особой жестокостью, раньше случалась между людьми, так или иначе знакомыми друг с другом.

Теперь картина меняется. В каких-то 1960-х раскрываемость убийств в США переваливала за 90 %. Но и эта цифра более не актуальна. Сегодня, несмотря на впечатляющий прогресс в науке и технике, несмотря на приход компьютерной эры, несмотря на рост числа полицейских, качества и глубины их подготовки и оснащения, число убийств продолжает расти, а их раскрываемость – падать. Все больше преступлений совершается в отношении незнакомцев, и в большинстве случаев для них нет никакого очевидного или хотя бы логичного мотива.

Ранее правоохранительные органы относительно легко раскрывали большинство убийств и других насильственных преступлений. Они являлись следствием и выражением вполне обычных эмоций, достигших апогея: злости, жадности, зависти, жажды наживы или возмездия. Как только эмоциональный мотив был удовлетворен, порыв к насилию угасал и дальше не распространялся. Да, жертва обязательно была, но полиция имела точное представление, кого или что надо искать.

Но в последние годы преступления против личности все чаще проявляются в новом облике. Они становятся продолжающимися. Серийные преступники не остановятся, пока их не поймают; они учатся, становятся все опытнее и опаснее, непрерывно совершенствуя свои тактики и подходы от одного эпизода к другому. Слово «проявляются» я использовал не случайно; конечно, такие преступления известны еще со времен грозы Лондона эпохи 1880-х Джека-потрошителя, который считается первым в современной истории серийным убийцей. Кстати, по причинам, которые я укажу позже, серийными убийцами почти всегда становятся мужчины.

Однако феномен серийных убийств может быть куда старше, чем мы себе представляем. Сохранившиеся по сей день истории и легенды о ведьмах, оборотнях и вампирах – это не более чем попытка объяснить жестокие, извращенные акты насилия, которые в маленьких сплоченных поселениях Европы или ранней Америки никто был не в силах объяснить, хотя сегодня они воспринимаются как нечто обыденное. А тогда считалось, что чудовищем может быть только сверхъестественное создание, но никак не обычный человек.

Из всех жестоких преступников самыми отталкивающими, хитрыми и приводящими в замешательство личностями обладают именно серийные убийцы и насильники. В свою очередь, это связано с тем, что в основе их мотивов лежат куда более сложные факторы, чем те примитивные устремления, которые мы отметили ранее. Уже поэтому их образ действий может изрядно сбивать с толку, да и вообще отсекает банальные переживания вроде сочувствия, вины или угрызений совести.

Порой единственный способ изловить маньяков – это научиться думать, как они.

Не пугайтесь, что я раскрою строго охраняемые секреты полицейского расследования и дам в руки будущим преступникам руководство к действию. В книге речь пойдет только о том, как мы разработали поведенческий подход к составлению психологического портрета преступника, об анализе преступлений и стратегии обвинения, но и здесь я при всем желании не смогу составить практическое руководство или учебное пособие для новичков. Во-первых, у нас уходит целых два года на то, чтобы обучить уже опытных, матерых агентов, отобранных для стажировки в нашем отделе. А во-вторых, вне зависимости от того, насколько преступник убежден в собственной осведомленности, чем больше он старается избежать поимки или сбить нас со следа, тем больше дает материала – поведенческих улик – для нашей работы.

Как говорил сэр Артур Конан Дойл устами Шерлока Холмса много десятилетий назад: «В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины»⁵. Иными словами, чем больше информации о поведении субъекта у нас есть, тем более полный психологический портрет и его анализ мы сможем предоставить

⁵ Перевод М. Бессараб.

полиции. А чем полнее психологический портрет, тем больше следователи смогут сузить круг подозреваемых и сконцентрироваться на поимке настоящего преступника.

Отсюда вытекает еще одна оговорка по поводу нашей работы. Сотрудники отдела следственного сопровождения, который находится в Куантико и входит в Национальный центр ФБР по анализу преступлений против личности, не занимаются поимкой преступников. Повторюсь: *мы не ловим преступников*. Это работа местной полиции, и если вспомнить, под каким давлением она находится, ребята справляются на ура. Мы же *оказываем им поддержку* в выделении круга подозреваемых, а также предлагаем упреждающие меры, с помощью которых можно выкурить преступника из норы. Когда же он пойман – подчеркну: ими, а не нами, – мы стараемся наметить стратегию для обвинителя по выявлению истинной сущности ответчика во время судебных разбирательств.

Тут нам помогают исследования и весьма особый практический опыт. К примеру, если какое-нибудь местное отделение полиции на Среднем Западе впервые в своей практике столкнется с ужасами расследования серийного убийства, у нас на счету схожих дел уже сотни, если не тысячи. Я всегда говорю своим агентам: «Хочешь понять художника – присмотришься к его картинам». За долгие годы работы мы видели невероятное множество «картин» и неоднократно беседовали почти со всеми «искусными художниками».

В конце 1970-х – начале 1980-х мы начали методично развивать деятельность отдела поведенческого анализа ФБР, который позже превратился в отдел следственного сопровождения. Хотя большинство книг, драматизирующих и прославляющих наше призвание (например, известное произведение Тома Харриса «Молчание ягнят»), отличаются склонностью к причудливым выдумкам, наше прошлое действительно восходит скорее к научно-преступной фантастике, нежели к практике. Еще совсем зеленый детектив С. Огюст Дюпен, герой классического произведения 1841 года Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг», на самом деле был первым в истории профайлером – поведенческим экспертом. Сюжет также отражает первое применение профайлером упреждающих мер с целью выкурить субъекта и оправдать невинного человека, несправедливо арестованного за убийство.

Как и теперь, почти сто пятьдесят лет спустя, мои коллеги по отделу, По отдавал себе отчет в важности составления психологического портрета, ведь иногда для разрешения особенно жестокого и, как может показаться, не имеющего мотива убийства мало одних только улик с места преступления и результатов вскрытия. «За отсутствием других возможностей, – писал он, – аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку»⁶.

Стоит отметить и другое небольшое сходство. Мсье Дюпен предпочитал работать в одиночку, запершись у себя в комнате, плотно завесив шторами окна, тем самым защищаясь от солнечного света и вторжений извне. У нас с коллегами изначально не было такой необходимости. Наше рабочее пространство в Академии ФБР в Ку-антико уходит на несколько этажей под землю, и в нем нет ни одного окна. Изначально оно проектировалось как безопасная штаб-квартира для федеральных правоохранительных властей на случай национальной катастрофы. Иногда мы в шутку называем себя Национальным подвалом по анализу преступлений против личности. Находясь почти на двадцать метров под землей, мы, пожалуй, закопаны в десять раз глубже, чем мертвецы.

Один из пионеров профайлинга, английский драматург Уилки Коллинз, раскрывал его основные принципы в своих романах «Женщина в белом» (основанном на реальных событиях) и «Лунный камень». Но именно бессмертное творение сэра Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе явило миру новую форму криминального анализа в атмосфере мрачного, освещенного

⁶ Перевод Р. Гальпериной.

газовыми фонарями викторианского Лондона. Сравнение с легендарным сыщиком было бы высшей похвалой для любого из нас. Несколько лет назад, когда я работал в Миссури над очередным убийством, заголовок местной газеты «Сен-Луис глоуб-демократ» окрестил меня «современным Шерлоком из ФБР», что стало для меня большой честью.

Интересно отметить, что именно в тот момент, когда Шерлок Холмс распутывал клубки сложнейших дел на страницах книг, в реальном мире Джек-потрошитель без устали убивал проституток в лондонском Ист-Энде. Эти двое, находящиеся по разные стороны не только закона, но и реальности, так плотно завладели вниманием публики, что во многих «современных» историях о Шерлоке, написанных его почитателями, детектив снова возвращается к расследованию так и не раскрытых убийств в Уайтчепеле.

В 1988 году меня пригласили на телевидение с просьбой проанализировать психотип Джека-потрошителя. О своих заключениях по поводу самого знаменитого субъекта в истории я расскажу далее на страницах этой книги.

Поведенческий профайлинг сошел со страниц литературных произведений в реальную жизнь лишь спустя более века после «Улицы Морг» По и более полувека после «Приключений Шерлока Холмса». В середине 1950-х Нью-Йорк продолжал сотрясаться от взрывов, подготовленных «маньяком-подрывником»⁷. За пятнадцать лет, что он оставался на свободе, «подрывник» заложил более тридцати бомб. Его целями становились такие места массового скопления, как железнодорожные станции Гранд-Централ и Пенсильвания, концертный зал «Радиосити». Тогда я, еще совсем ребенок, жил в Бруклине и отлично помню то дело.

В конце концов в 1957 году полиция обратилась к психиатру из Гринвич-Виллидж – доктору Джеймсу А. Брус-селу, который изучал фотографии с мест взрывов и тщательно анализировал издевательские письма «подрывника», публикуемые в газетах. На основе общей модели поведения преступника он пришел к ряду существенно важных выводов и определил, что тот является параноиком, ненавидит отца, одержим любовью к матери и живет в одном из городов штата Коннектикут. В заключение психологического портрета доктор Бруссел писал: «Ищите грузного мужчину средних лет иностранной наружности. Он римский католик. Одинок. Живет с братом или сестрой. Когда вы его найдете, с определенной вероятностью на нем будет двубортный костюм, застегнутый на все пуговицы».

По отсылкам из некоторых писем следовало, что «подрывник», скорее всего, обозлившись нынешний или бывший сотрудник энергетической компании «Консолидейтед Эдисон». Сопоставив психологический портрет с кругом лиц, связанных с данной компанией, полиция наткнулась на имя Джорджа Метески. Оказалось, что тот действительно работал в «КонЭд» в 1940-х, еще до начала взрывов. Однажды вечером полиция наведася в его дом в городке Уотербери, штат Коннектикут, и действительно обнаружила на месте грузного, одинокого, римского католика-иностранца средних лет. Единственное отличие от психологического портрета состояло в том, что он жил не с братом или сестрой, а с двумя незамужними сестрами. Когда же полицейский попросил подозреваемого одеться и проехать с ними в участок, тот через несколько минут вышел из спальни в двубортном костюме, застегнутым на все пуговицы.

Объясняя, как ему удалось достичь такой сверхъестественной точности в своих выводах, доктор Бруссел отметил, что психиатр обычно обследует пациента и лишь потом пытается сделать логичные умозаключения относительно того, как тот поведет себя в той или иной ситуации. Разрабатывая психологический портрет Метески, доктор поступил с точностью наоборот, то есть попытался представить себе индивида, руководствуясь его действиями.

По прошествии более сорока лет дело «маньяка-подрывника» кажется нам совсем простым. Но тогда оно стало ключевой вехой в науке, получившей впоследствии название крими-

⁷ Прозвище Джорджа Метески, терроризировавшего Нью-Йорк взрывами в течение почти 15 лет. Его арестовали в 1957 году, на суде признали невменяемым и отправили на принудительное лечение.

нального психоанализа (поведенческого анализа) и ставшей важной частью современной криминалистики. Ну а светилом этой науки стал, конечно, доктор Бруссел, позже работавший с полицией Бостона по делу «бостонского душителя»⁸.

Прием, который используют выдуманные Дюпен и Холмс, а также настоящий Бруссел и его последователи, часто называют дедукцией, однако на самом деле он ближе к индукции, то есть наблюдению за частными элементами явления и составлению общих заключений на их основе. Когда я пришел в академию в 1977 году, инструкторы отдела поведенческого анализа, включая его пионера Говарда Тетена, только начинали применять идеи доктора Бруссела на занятиях с профессионалами сыска. На тот момент метод выглядел скорее анекдотом и не подкреплялся годами исследований. Когда я начал заниматься наукой профайлинга, она пребывала в зачаточном состоянии.

Я уже отмечал, насколько важно для нас уметь влезать в шкуру и разум неизвестного убийцы. В процессе исследований и накопления опыта мы обнаружили, что не менее важно, сколь бы страшно и болезненно это ни было, уметь посмотреть на дело и глазами жертвы. Только в том случае, если мы хорошо понимаем, каковой могла быть реакция жертвы на те ужасы, что с ней происходили, мы сможем составить наиболее полное представление о поведении самого преступника.

Хочешь понять преступника – присмотришься к его деяниям.

В начале 1980-х полиция из сельского городка в Джорджии обратилась ко мне с делом, поразившим меня до глубины души. Молодую девчонку, четырнадцатилетнюю мажоретку средней школы, похитили среди бела дня на автобусной остановке всего метрах в ста от дома. Несколько дней спустя ее полураздетое тело обнаружили в десяти милях оттуда, в облюбованном парочками укромном месте, скрытом деревьями. Она была изнасилована и скончалась от удара тупым предметом по голове. Рядом лежал увесистый, со следами запекшейся крови булыжник.

Прежде чем приступить к анализу, я постарался узнать о жертве как можно больше. Милая и симпатичная, в свои четырнадцать она и выглядела ровно на четырнадцать, а не на двадцать один, как иногда бывает. Все, кто знал девочку, как один, утверждали, что она не была склонна к неразборчивым связям и осторожно относилась к флирту, ни разу не притрагивалась ни к наркотикам, ни к алкоголю, да и вообще всегда была со всеми приветливой и дружелюбной. Вскрытие показало наличие девственности до изнасилования.

Для меня подобная информация была критически важна, поскольку, руководствуясь ею, я смог прикинуть, как она отреагировала на похищение, как вела себя в процессе и, следовательно, как преступник обращался с ней во время совершения акта насилия. Из этого я сделал вывод, что убийство не было запланированным. Насильник запаниковал, удивившись, что жертва не встретила его с распростертыми объятиями. В свою очередь, этот вывод приблизил меня к пониманию натуры преступника, и по моей наводке полиция выделила одного мужчину, который проходил подозреваемым в изнасиловании, совершенном годом ранее в соседнем городе. Понимание особенностей жертвы также помогло мне составить для полиции стратегию допроса этого весьма незаурядного субъекта, который, как я и предполагал, без труда обманул детектор лжи. Это весьма интересное и трогательное дело мы обсудим в деталях чуть позже. А пока удовольствуемся тем, что субъект сознался и в убийстве, и в совершенном ранее изнасиловании. Впоследствии он был осужден, а на момент издания этой книги казнен в тюрьме штата Джорджия.

Когда мы в Национальной академии преподаем агентам ФБР и профессионалам правоохранительных служб основы криминального психоанализа и анализа места преступления, мы стараемся научить их представлять себе всю историю преступления целиком. Мой коллега Рой

⁸ Альберт де Сальво – американский серийный убийца, задушивший 13 женщин в Бостоне в период с 1962 по 1964 год.

Хейзелвуд, который уволился из Бюро в 1993 году, а до этого несколько лет вел начальный курс профайлинга, разделял анализ на три ключевых вопроса, или фазы: «что», «почему» и «кто».

Что произошло? Вопрос включает все то, что может быть значимо для понимания моделей поведения.

Почему это произошло именно так, а не иначе? Почему, например, над трупом надругались после смерти? Почему не украли ничего ценного? Почему в дом вошли, а не вломились? Каковы причины каждого фактора данного преступления, существенного с точки зрения поведения?

А из этого вытекает последний вопрос: *кто* мог бы совершить преступление по этим причинам?

Наша задача – ответить на эти вопросы.

Глава 2. Моя мать – Холмс

Девичья фамилия моей матери действительно Холмс, и с легкой подачи моих родителей я едва не унаследовал ее в качестве второго имени вместо более прозаичного «Эдвард».

Оглядываясь назад, скажу, что, кроме этого, мало что в моем детстве намекало на светлое будущее охотника за разумом, или криминального профайлера.

Я родился в Бруклине, Нью-Йорк, неподалеку от Квинса. Мой отец, Джек, работал наборщиком в «Бруклин игл». Когда мне исполнилось восемь, папа, обеспокоенный ростом преступности, решил перевезти нас в Хемпстед, Лонг-Айленд, где стал председателем Лонг-айлендского союза печатников. Еще у меня есть сестра, Арлин, на четыре года старше меня. Она всегда была гордостью нашей семьи – как в учебе, так и в спорте.

Сам я не блистал, перебиваясь с тройки на четверку, но, несмотря на весьма средненькие успехи в учебе, всегда был вежливым, легким в общении и пользовался вниманием учителей Ладтэмской начальной школы. Больше всего меня занимали животные, вот почему в разное время у меня обитали собаки, кошки, кролики, хомяки и змеи. Всех этих тварей мама терпела исключительно потому, что я хотел стать ветеринаром. Поскольку начинание обещало вполне законную карьеру, она всячески поддерживала меня.

В школьные годы я проявил недюжинное умение сочинять сказки, что сыграло свою роль в моем становлении в качестве сыщика. Сыщики и криминальные аналитики должны уметь слепить целостную картину из разрозненных и кажущихся несвязанными фактов, вот почему талант рассказчика крайне важен, в особенности при расследовании убийств, когда сама жертва не может ни о чем поведать.

Как бы то ни было, я зачастую прибегал к своему мастерству, чтобы избежать работы. Помнится, однажды в девятом классе мне было так лень читать книжку для устного доклада, что, когда подошла моя очередь отвечать, я выдумал и название, и автора, поведав о выдуманных туристах-палаточниках, поющих песни ночью у костра.

Я сочинял сюжет на ходу, а сам думал: сколько я смогу так продержаться? Вот уже и выдуманный медведь подкрался к туристам, он готовится к прыжку – и тут я запнулся, захотел, и мне оставалось только признаться, что вся история с самого начала была плодом моей фантазии. Должно быть, наличие совести все-таки доказывает, что у меня нет выраженного преступного психотипа. И вот стою я перед классом: ложь раскрылась, сейчас меня начнут отчитывать, придется краснеть перед приятелями, и я уже знаю, что скажет мама, когда узнает об этой истории.

Но, к моему изумлению и удивлению, и учитель, и ребята всерьез увлеклись моей историей! Когда же я признался в обмане, все дружно потребовали: «Рассказывай дальше. Что было потом?» Я и продолжил, а потом даже получил пятерку. Я долгое время скрывал тот «подвиг» от собственных детей: не хотел, чтобы они думали, будто преступление сходит с рук. А для себя усвоил: если сумеешь подать свои идеи, заинтересовать слушателей, с тобой будут соглашаться. Это правило не раз помогало мне, когда приходилось убеждать начальство или местную полицию в практической значимости наших услуг. Стоит признать, однако, что в каком-то виде этот же прием используют мошенники и проходимцы всех мастей.

Кстати, мои выдуманные туристы таки спасли свои шкуры, хотя изначально задумывалась иная концовка – я ведь больше любил животных, чем людей. Готовясь к карьере ветеринара, я поступил на программу «Корнелл-фарм» и провел три лета подряд на молочных фермах в северной части Нью-Йорка. Программа спонсировалась из средств ветеринарной школы при одноименном университете. Это отличная возможность вырваться из городской суеты и пожить на природе, но взамен мне приходилось работать по 70–80 часов в неделю за 15 дол-

ларов, в то время как мои одноклассники загорали на Джонс-Бич. Так что, если мне больше не доведется доить корову, я как-нибудь переживу.

Постоянный физический труд привел меня в хорошую форму, а занятия спортом были моей второй всепоглощающей страстью. В старшей школе в Хемпстеде я был бейсбольным питчером и полузащитником в команде по американскому футболу. Оглядываясь назад, я ловлю себя на мысли, что именно тогда впервые и начал проявляться мой интерес к личностному психоанализу.

На площадке я быстро понял, что меткий и сильный бросок – это лишь полдела. Я уверенно выполнял прямую подачу и неплохо освоил боковую, но такими же или схожими приемами владели почти все школьные питчеры. Вся соль была в том, чтобы запугать отбивающего, а для этого достаточно окружить себя ореолом уверенности и заставить парня на базе чувствовать себя уязвимым. Забавно, но именно этот принцип много лет спустя лег в основу разрабатываемых мною техник допроса.

В старшей школе я вымахал под метр девяносто, что пошло мне на руку. Какие бы умные и талантливые мы ни были, я знал, что в более-менее серьезной лиге у нас мало шансов, и поэтому задать победный тон может только питчер, который будет вытаскивать игру на поле. Для ученика старшей школы я очень неплохо овладел подачей, но решил не дать отбивающим противной команды об этом догадаться. Я старался выглядеть бесшабашным и непредсказуемым, чтобы отбивающие не слишком окапывались в обороне. Пусть они думают, что, стоит им окопаться, и психованный парень из команды противника тут же пошлет мяч с подкруткой или того хуже.

А вот футбольная команда Хемпстеда действительно была сильной, и в ней мне, юноше крупному, досталась роль полузащитника. И снова я поймал себя на мысли, что преимущество извлекается из грамотной психологической подачи. Я мог с легкостью бросаться на тяжелых ребят с рычанием и криками, ну и в целом ведя себя как псих. Вскоре и остальные полузащитники последовали моему примеру. Позже, когда мне начали регулярно попадаться убийства, в которых безумие использовалось как средство обороны, из собственного опыта я уже знал, что сам факт неадекватного поведения не обязательно означает, что человек не отдает себе отчета в своих действиях.

В 1962 году у нас состоялся матч против команды Вантагской старшей школы за кубок Торпа, престижную награду для лучшей футбольной команды Лонг-Айленда среди учеников старших школ. В среднем каждый из них был тяжелее нашего брата на двадцать кило, и нам светили отличные шансы оказаться раздавленными в лепешку еще до конца матча. Поэтому перед началом официальной встречи мы провели несколько разминочных игр с единственной целью – нервировать и запугать оппонента. Мы выстраивались в две шеренги, причем первый игрок должен был толкнуть – а вернее, сбить с ног – первого игрока противной шеренги. Все это мы сопровождали соответствующими воплями и рыком. По лицам вантаговцев мы поняли, что добились нужного эффекта. Наверное, они думали так: «Если эти клоуны настолько тупые, чтобы отрабатывать такое друг на друге, одному Богу известно, что они сделают с нами».

На самом деле все это представление было тщательно срежиссировано. Мы отрабатывали борцовские броски, чтобы со стороны они выглядели болезненно, но на самом деле вреда они не причиняли. Когда же началась игра, мы старались поддерживать заданный уровень сумасшествия, чтобы нас сочли безумцами, которых выпустили из психушки на один вечер и заберут обратно сразу же по завершению матча. Игра была напряженной, но, когда пыль улеглась, мы выиграли со счетом 14: 13 и завладели кубком Торпа 1962 года.

Первую пробу пера в деле охраны правопорядка, то есть настоящего профайлинга, я совершил в восемнадцать, устроившись вышибалой в бар-клуб «Газлайт-Ист» в Хемпстеде. У меня так здорово получалось, что позже меня пригласили на ту же должность в «Серф клуб» на Лонг-Бич. В обоих местах мои основные обязанности состояли в том, чтобы не впускать тех,

кому по закону еще рано употреблять спиртное, и пресекать неизбежные в любом питейном заведении драки.

Стоя на входе, я спрашивал удостоверение личности у всех, кто казался мне недостаточно взрослым, и тут же спрашивал дату рождения, чтобы сопоставить цифры. К этой весьма банальной процедуре все уже давно привыкли, а потому ни для кого она не была неожиданностью. Крайне редко попадались мне наивные ребята, приходившие с поддельным удостоверением, даже не потрудившись запомнить дату в нем. Прямой взгляд в глаза в момент вопроса оказывался весьма эффективным приемом против некоторых посетителей, особенно девушек, которые в этом возрасте отличаются большей социальной ответственностью. Но те, кто хочет попасть внутрь, все равно легко могут пройти любую проверку, если хоть на несколько мгновений сосредоточатся на игре.

На самом же деле, опрашивая каждую компашку молодых людей, я незаметно наблюдал за другими посетителями, через два-три человека от начала очереди, – следил, как они готовятся отвечать на вопросы, отмечал их невербальные жесты, искал признаки нервозности или робости.

Разнимать драки было куда сложнее, и тут мне приходилось пускать в дело свою физическую подготовку. Если в твоих глазах читается только непредсказуемость, если ты ведешь себя достаточно нагло и смело, то иногда даже верзила дважды подумает, прежде чем связаться с тобой. Если они видят, что ты достаточно отбитый, чтобы не переживать за свою шкуру, ты тут же становишься куда более опасным противником. Например, почти двадцать лет спустя, когда мы брали тюремные интервью в целях крупного исследования на тему серийных убийств, мы выяснили, что по ряду ключевых признаков убийца-фанатик в разы опаснее обычного серийного убийцы. Все дело в том, что, в отличие от серийного убийцы, который выберет жертву себе по зубам и тщательно продумает пути отхода, маньяк одержим своей «миссией» и в общем случае готов даже умереть во имя нее.

Еще одно соображение по поводу того, как составить о себе нужное впечатление, например, что ты достаточно неадекватный или психованный для непредсказуемого поведения: надо поддерживать заданный образ постоянно, а не только в том случае, когда за тобой наблюдают. Однажды я отправился в федеральную тюрьму в Мэрионе, штат Иллинойс, где провел интервью с Гари Трапнеллом, отъявленным вооруженным грабителем и угонщиком самолетов. Во время беседы он заявил, что способен убедить любого судебного психиатра в наличии у него любого умственного расстройства, какое я ни назову. По его словам, секрет в том, чтобы вести себя так все время, даже когда ты наедине с самим собой в тюремной камере. Тогда при встречах с врачами не придется «продумывать» свое поведение, на чем большинство и прокалывается. А я, похоже, инстинктивно выработал мышление преступника задолго до того, как получил «совет от эксперта».

Если в баре мне не удавалось запугать драчунов, в ход шли навыки начинающего профайлера. Я старался погасить конфликт до того, как он перерастет в серьезную заварушку. С моим скромным опытом я вскоре обнаружил, что при внимательном наблюдении за поведением и невербальными жестами их можно соотнести с неким действием, которое сигнализирует о начале драки. По этим признакам я старался предвидеть намерения зачинщиков. При малейших подозрениях я старался предупредить драку и, используя элемент неожиданности, вмешивался в спор и выводил потенциального драчуна подышать воздухом, пока не опомнится. Я уверен, что большинство сексуальных маньяков и серийных насильников поднаторели в подчинении, манипуляции и контроле, и я старался овладеть теми же самыми навыками, но в другом контексте. Во всяком случае, я приобрел ценный опыт.

На момент выпуска из школы я по-прежнему хотел стать ветеринаром, хотя оценки у меня не дотягивали до уровня Корнеллского университета. Поступить на схожую программу я

мог только в Государственный университет Монтаны. Поэтому в сентябре 1963 паренек родом из Бруклина, живущий на Лонг-Айленде, отправился в сердце Страны большого неба.

По прибытии в Боузмен я испытал сильнейший культурный шок.

«Привет из Монтаны, – писал я в одном из первых писем домой, – края настоящих мужчин и пугливых овец». Монтана воплотила в себе все стереотипы и клише Дикого Запада, а для местных я сам был типичным парнем с Востока. Я вступил в местное отделение студенческого братства «Сигма Фи Эпсилон», состоявшее преимущественно из местных юношей, среди которых я выглядел белой вороной. Я носил черную шляпу, черную одежду, черные ботинки и длинные смешные бакенбарды – ни дать ни взять персонаж «Вестсайдской истории»⁹, какими в те времена и представляли ньюйоркцев вроде меня.

Поэтому я решил выжать максимум из своего положения. На всяких культурных мероприятиях местные обычно надевают традиционные западные наряды и танцуют тустеп, тогда как я провел последние несколько лет учебы в ревностном просмотре по телику выступления Чабби Чекера¹⁰ и назубок знал самые разные вариации твиста. Поскольку моя сестра Арлин была на четыре года старше, она уже давно записала меня в партнеры на занятиях по танцам, и вскоре я стал танцевальным инструктором для всего местного студенческого сообщества. Я чувствовал себя миссионером, отправившимся в отдаленный уголок планеты, где ни разу не слышали английскую речь.

В учебе я никогда особо не блистал, но теперь оценки упали вообще ниже некуда – все потому, что я занимался чем угодно, только не учебой. У меня уже был опыт работы вышибалой в нью-йоркском баре, но в Монтане употреблять алкоголь разрешалось с двадцати одного года. К несчастью, понижение планки меня не остановило.

Первые проблемы с законом у меня начались тогда, когда мы с товарищем по братству пошли на свидание с двумя отвязными девчонками, с которыми познакомились в доме для матерей-одиночек. Для своего возраста наши подружки выглядели очень взрослыми. Мы оставались у бара, и я зашел за упаковкой пива.

Бармен попросил показать удостоверение. Я достал качественно подделанный билет военнообязанного. Работая вышибалой, я научился нескольким секретам и уловкам, связанным с фальшивыми документами.

Глядя на карточку, бармен сказал: «Бруклин, значит? Вы, с Востока, все здоровые малые». Я изобразил самоуверенный смешок, но остальные посетители бара обернулись, так что теперь у нас появились свидетели.

Я вернулся на стоянку, сел в машину, и мы тронулись, попивая свежее пиво. Тут по непонятной причине одна из девушек резко сунула пиво в бардачок.

И вдруг, откуда ни возьмись, раздается звук полицейской сирены. Нас тормозят: «Выходите из машины».

Мы вышли, начался обыск, и, хотя я прекрасно понимал, что оснований проводить его нет (читай: незаконный), полицейскому я благоразумно решил не перечить. Когда он нагнулся, из-под куртки показались пистолет и резиновая дубинка, и голове у меня промелькнула идиотская мысль, что я в мгновение ока могу треснуть копа по голове, схватить ствол и умчаться. К счастью для моего будущего, я одумался. Но, предвидя дальнейший ход событий, достал поддельную карточку из бумажника и поглубже засунул в трусы.

Всех четверых забрали в участок и разделили, и вот тут я перепугался не на шутку, потому что знал, как действуют полицейские, и боялся, что один из них меня сдаст.

Затем один из офицеров обратился ко мне: «Так, сынок. Скажи честно, бармен проверял документы? Если нет, поедem туда. У нас и раньше были к нему вопросы».

⁹ Киномюзикл, обыгрывающий историю Ромео и Джульетты в гангстерском антураже.

¹⁰ Певец, популяризатор твиста в США эпохи 1960-х.

Я ответил: «Там, откуда я пришел, крыс не любят. Это не про нас». Весь из себя крутой гангстер, а сам сижу и думаю: ну конечно, он проверил у меня документы, а я показал ему подделку! А тем временем карточка проскользнула еще ниже и уткнулась мне в гениталии. Я понятия не имел, будут нас раздевать для обыска или нет. Тут ведь такая глухомань, кто его знает, какие у них порядки. Я быстро сориентировался и стал симулировать недомогание, заявив, что мне плохо и срочно нужно в туалет.

Меня отпустили без сопровождения, но я пересмотрел фильмов, где за арестантом наблюдают по ту сторону зеркала, и поэтому отошел в самый угол, запустил руки в штаны и извлек документ, а затем вернулся к раковине и изобразил тошноту на тот случай, если за мной следят. Потом я зашел в кабинку, смыл в унитаз фальшивую карточку военнообязанного и уверенно вернулся к офицеру. Разбирательство закончилось испытательным сроком и штрафом 40 долларов.

Вторая встреча с боузменской полицией у меня состоялась на втором курсе. На этот раз все было серьезнее.

Мы отправились на родео с двумя парнями с востока и одним монтановцем. Посмотрев шоу, мы сели в «студебеккер» 1962 года и двинулись обратно. В машине у нас было пиво. Опять. Все вокруг замело снегом. За рулем сидел парень из Бостона, я был спереди, а местный – на заднем сиденье. Водитель проехал под знак остановки, и – вот неожиданность! – сразу за ним стоял коп. Такое ощущение, что встречи с полицией стали лейтмотивом моей жизни в Монтане. Что бы там ни говорили, мол, копов не доищешься, когда они нужны, это совершенно несправедливо в отношении Боузмана образца 1965 года.

Короче, этот болван, мой товарищ по братству, – просто не верится – проехал мимо! Решил посостязаться с копом.

На каждом повороте, когда мы ненадолго исчезали из виду, я выбрасывал из окна банки с пивом. Вскоре мы примчались в жилую зону, подпрыгивая на «лежачих полицейских»: бум, бум, бум. Впереди стоял целый кордон – должно быть, преследователь уже успел информировать участок. Мы объезжаем его прямо по газону. Все это время я ору как резаный: «Останови тачку, черт возьми! Выпусти меня!» Но этот тупица только пуще поддает газу. Машину несет, снег сыпет как из ведра, а сзади надрываются сирены.

Перекресток. Бостонец резко бьет по тормозам, машина уходит в круговой занос, дверь распаивается, и я вылетаю наружу. В последний момент я уцепился за дверь, и меня задницей потащило по заснеженному асфальту. Потом кто-то крикнул: «Бежим!»

Ну мы и побежали. Кто куда. Я добрался до переулка, где стоял пустой грузовик, и спрятался в нем. Убегая, я уронил свою черную шляпу. Пиджак у меня был двусторонний – черный с золотым, – и я вывернул его золотом наружу, чтобы замаскироваться. Но я обливался потом и тяжело дышал, и вскоре стекла грузовика запотели, и я подумал: черт, меня же так найдут. К тому же владелец машины мог вернуться в любую минуту, а здесь у каждого встречного при себе ствол. Я чуть-чуть протер стекло, чтобы видеть, что происходит снаружи. У брошенной нами машины царило настоящее столпотворение: полицейские, собаки, всякое такое. И вот они идут в переулок, лучи фонариков обшаривают грузовик, а я вот-вот обделаюсь от страха. До сих пор не могу поверить, что они прошли мимо, не заметив меня!

Я тихонько вернулся в универ, а там все только и говорили о нас. Оказалось, что двое с востока тоже сбежали, но парня из Монтаны схватили, и он нас сдал. Вскоре полиция явилась и за нами. На допросе я слезно убеждал их в том, что не управлял машиной, а, наоборот, страшно перепугался и просил водителя остановиться. Тем временем бостонского водилу упекли за решетку, где вместо кушетки была железная кровать без матраса, и посадили на хлеб с водой. Мое же нечеловеческое везение снова пришло мне на выручку, и меня отпустили с очередным штрафом 40 долларов и предупреждением за приобретение спиртного.

В этот раз о моих приключениях оповестили и университет, и родителей, которые тут же воспылали праведным гневом. С оценками лучше не становилось. Я стабильно получал три с минусом, а зачет по ораторскому мастерству я вообще завалил, потому что ни разу не был на занятиях. Это уже ни в какие ворота не лезло, ведь я всегда считал, что умение болтать как раз и является моим главным орудием. Но хуже всего, что я не имел ни малейшего понятия, как мне выбираться из этого болота. К концу второго курса стало ясно, что мои приключения на Диком Западе подходят к концу.

Вам наверняка показалось, что все воспоминания об этом периоде моей жизни – сплошь боль и страдания. Так тогда считал и я. Меня вернули домой под строгий надзор разочарованных родителей. Особенно огорчилась мама, поскольку знала: теперь мне ни за что не стать ветеринаром. Вновь полагаясь на свои физические данные, на лето 1965-го я устроился спасателем, как поступал во все нелегкие времена. Лето кончилось, мне больше не нужно было ходить на занятия, и я нашел работу управляющего фитнес-клуба в гостинице «Холидей инн» в Патчоге.

Вскоре после этого я познакомился с Сэнди, работавшей в отеле официанткой. Красивая молодая женщина, уже с ребенком, тут же свела меня с ума. Она очень эффектно смотрелась в своей аккуратной кокетливой униформе. Я же, благодаря постоянным тренировкам и упражнениям, был в отличной форме и, похоже, тоже нравился Сэнди. Она все время названивала мне домой, и отец злился: «Кто, черт побери, трезвонит тебе днем и ночью? Там еще ребенок на фоне постоянно кричит».

Я жил с родителями и не мог пригласить подругу к себе, но Сэнди рассказала, что работники отеля могут с большой скидкой снимать свободные номера. Так что мы так и поступили.

Рано утром нас разбудил телефонный звонок. Сэнди взяла трубку и тут же закричала:

– Нет! Нет, не пускайте его!

Спросонья я поинтересовался, кто звонил.

Она ответила:

– Это ресепшн. Они говорят, что пришел мой муж. Он уже поднимается.

Сонливость как рукой сняло.

– Твой муж?! Ты о чем? Ты не говорила, что замужем!

Она заметила, что и незамужней себя не объявляла, а потом добавила, что они уже давно не живут вместе.

Тут я услышал, как этот маньяк несется по коридору в нашу сторону. Мне конец.

Потом он начал барабанить в дверь:

– Сэнди! Сэнди, я знаю, что ты там!

Из комнаты в коридор выходило небольшое застекленное слуховое окно. Муж начал дергать стекла в попытке вырвать их из рамы. Я отчаянно искал пути отхода. Хотя мы поселились на втором этаже, но в комнате не было других окон, так что выпрыгнуть и сбежать я не мог.

Я спросил:

– У него есть пушка или что-то вроде того?

– Иногда он носит с собой нож, – призналась Сэнди.

– Твою мать! Просто супер! Нужно убираться отсюда. Открой ему.

Я занял боксерскую стойку, и Сэнди распахнула дверь. Тут же внутрь вбежал ее муж, направляясь прямо ко мне. Но он двигался против света, и мой затененный силуэт, должно быть, показался ему куда больше и внушительнее, чем был на самом деле. Муж решил остановиться, но продолжил изрыгать проклятия:

– Ах ты сукин сын! Убирайся к чертовой матери!

Поскольку на сегодня я уже перевыполнил план мачо, а ведь день только начался, я скромно ответил:

– Да, сэр. Как раз собирался.

И снова мне повезло выйти сухим из воды и с целой шкурой. Но я не мог более игнорировать тот факт, что жизнь катится в тартарары. Тем же днем я случайно сломал переднюю ось отцовского «сааба», гоняясь с красным «эм-джи-эй» моего друга Билла Тернера.

Однажды ранним воскресным утром мама зашла ко мне в комнату и вручила приглашение от службы призыва. Вместе с тремя сотнями других бедолаг я отправился в Уайтхолл-Плейс на медосмотр. Там мне предложили сделать несколько глубоких приседаний, и я сопровождал их громким хрустом в коленях – на футболе я получил травму, и мне удалили хрящ, прямо как Джо Намату, но у него и адвокат был получше. Комиссия отложила решение на некоторое время, но в конце концов мне все равно сказали, что Дядя Сэм очень во мне нуждается. Служба в сухопутных войсках меня особо не привлекала. Рассчитывая на лучшее образование, я на четыре года впрягся в ВВС. Кто знает, может, именно это мне было и нужно. В конце концов, и в Нью-Йорке, и в Монтане я бездарно профукал свой шанс на образование.

Была еще одна причина, по которой я выбрал именно в ВВС. На дворе стоял 1966-й, и война во Вьетнаме только начинала набирать обороты. Не могу сказать, что имел определенные политические взгляды, но из-за отца, полномочного представителя Лонг-айлендского союза печатников, больше склонялся в сторону демократии Кеннеди. И все же перспектива словить пулю, поддерживая некое общее дело, о котором я имел лишь весьма скромное представление, меня особо не привлекала. Я помню, как один механик ВВС рассказывал, что это единственный вид вооруженных сил, где офицеры – пилоты – непосредственно участвуют в боевых действиях, а срочники остаются в частях тылового обеспечения. Я не горел желанием воевать, и такая альтернатива меня полностью устраивала.

На начальную подготовку меня отправили в Амарильо, штат Техас. Почти половину нашего звена (так называлась учебная группа в ВВС) из пятидесяти человек составляли нью-йоркцы вроде меня, а другую половину – южане из Луизианы. Строевой инструктор постоянно чморил северян, и, по большей части, было за что. Я прибил к южанам, которые показались мне куда приятнее и общительнее, чем соотечественники из Нью-Йорка.

Для большинства базовая подготовка стала тяжким испытанием. Мне же после жесткой тренерской муштры в командных видах спорта, а также с учетом пофигизма, который все заметнее проявлялся у меня в последние несколько лет, крики строевого инструктора казались просто надоедливым жужжанием. Все его психологические приемы и хитрости я читал как открытую книгу, а сам пребывал в отличной физической форме. Базовая подготовка мне давалась легче легкого. Глазомер и точность, разработанные еще в бытность питчером в старшей школе, пошли мне на пользу, и довольно скоро я получил значок стрелка-эксперта из М-16, хотя до службы в ВВС стрелять мне приходилось только из воздушки по уличным фонарям, когда я был еще подростком.

На курсе базовой подготовки я снова заработал репутацию плохиша, но уже немного в другом отношении. Меня, накачанного и бритого, прозвали «русским медведем». В соседнем звене был похожий парень, и кого-то вдруг осенило, что нам имеет смысл побоксовать для поднятия боевого духа всего курса.

Бой стал для базы крупным событием. Равные по силе, мы не уступали ни пяди, увлеченно выколачивая друг из друга дерьмо. Тогда я сломал нос в третий раз (первые два – на футболе в школе).

Как бы то ни было, из пятидесяти человек в моем звене я стал третьим в списке лучших. По завершению начальной подготовки я прошел ряд тестов, по которым оказался годным для школы радиоразведки. Но мест там уже не было, а я не особо хотел ждать следующего набора, поэтому меня устроили наборщиком, хотя печатать я не умел. На базе ВВС Кэннон, что в ста милях от Кловиса, штат Нью-Мексико, как раз открылась вакансия в отделе личного состава.

Там я и застрял, целыми днями стуча двумя пальцами по клавиатуре и заполняя формы о демобилизации под неусыпным наблюдением идиота-сержанта, и все повторял сам себе: нужно выбираться отсюда.

И снова мое невероятное везение. Прямо напротив отдела личного состава расположилось специальное обеспечение. Услышав название, большинство из вас наверняка подумали о специальных войсках вроде зеленых беретов. Но все же это было именно специальное обеспечение, а конкретнее – специальное спортивное обеспечение. С моим прошлым я не мог упустить такую прекрасную возможность защитить родину, когда она во мне так нуждается.

Я стал невзначай околачиваться у них под дверью и однажды услышал, как один из собеседников вдруг произнес: «Эта программа летит ко всем чертям. У нас просто нет нужного человека».

И я подумал: вот оно! Набравшись смелости, я постучался и вошел в комнату: «Здравствуйте, я Джон Дуглас. Позвольте мне рассказать о себе».

Начав свой спич, я внимательно следил за реакцией потенциальных начальников и одновременно нащупывал «профиль» нужного им кадра. И, кажется, мне это удалось, потому что они все время переглядывались, как бы говоря: «Это чудо! Именно такой человек нам и нужен!» В итоге меня перевели из отдела личного состава в спецобеспечение, и с того дня я больше ни разу не надел военную форму. Мне дали надбавку за то, что, будучи срочником, я еще и руководил всеми спортивными программами, а также записали в программу «Операции „Шнуровка“»¹¹, по которой правительство теперь оплачивало мне 75 % расходов на образование. Именно им я и занялся, посещая по вечерам и выходным занятия в университете Порталеса, что на востоке Нью-Мексико, в двадцати пяти милях от авиабазы. Чтобы опять не вылететь с учебы, мне нужно было изменить тройку с минусом на круглые пятерки. Впервые за долгое время я почувствовал, что у меня в жизни появилась цель.

Я так хорошо справлялся с работой представителя ВВС в таких напряженных видах спорта, как теннис, футбол и бадминтон, что в конце концов меня назначили старшим по начальному и продвинутому курсу игры в гольф, хотя я ни разу в жизни не забил шар в лунку. Впрочем, я отлично смотрелся в традиционном гольфистском свитере, руководя бесчисленными соревнованиями.

Однажды командир части подошел ко мне узнать, мячик какой жесткости лучше всего подойдет для такого-то соревнования. А я в этом ровным счетом ничего не смыслил, но, как и в девятом классе у доски, принялся сочинять на ходу. «Как, черт возьми, ты вообще попал в гольф?» – изумился командир. Меня тут же сняли с гольфа и перевели руководить женской группой огранки, что звучало многообещающе, пока я не сообразил, что речь идет о резьбе по камню. Также мне поручили женскую группу керамики и бассейн офицерского клуба. И я стал думать: в чем подвох? Эти офицеры кружат в небе над Вьетнамом, рискуя своими задницами, а я здесь подаю стулья и полотенца их игривым женам, учу плавать их детей, да еще и получаю за это неплохую надбавку и возможность получить высшее образование.

Еще одна моя обязанность отчасти перекликалась со знакомой должностью вышибалы. Рядом с бассейном располагался офицерский бар, зачастую битком набитый юными пилотами, которые тренировались под началом тактического авиационного командования. Не раз приходилось мне растаскивать одуревших пьяных летчиков или самому отбиваться от них.

На втором году пребывания в ВВС, активно исполняя свои студенческие обязанности, я наткнулся на местную ассоциацию, опекающую детей-инвалидов. Там требовалась помощь в организации развлекательной программы, так что я вызвался добровольцем. Раз в неделю вместе с двумя гражданскими сотрудниками я водил пятнадцать детишек покататься на роликах,

¹¹ Операция «Шнуровка» (англ. Operation Bootstrap) – начатая в 1947 году серия экономических проектов правительства США по трансформации Пуэрто-Рико в развитую индустриальную область.

поиграть в мини-гольф и боулинг или предлагал им другие спортивные мероприятия, развивающие личностные навыки и физические способности.

Большинство детишек имели крайнюю форму инвалидности: слепоту, синдром Дауна или острую моторную дисфункцию. Работа тяжелая, но она мне очень нравилась. Например, иногда приходилось кружить по роллердрому, сжимая в каждой руке по детской ладошке и следя за тем, чтобы ребята не столкнулись или не ушиблись. По правде говоря, мало что в моей жизни приносило мне столько же удовольствия.

Едва я подъезжал к школе, мои подопечные тут же высыпали наружу встречать меня и толпились у машины, я выходил, и мы все тепло обнимались. Когда же приходило время расставаться, мне жалко было уезжать, а дети не хотели отпускать меня. От этой работы я получал такую отдачу, сколько любви и тепла, сколько в тот период жизни мне и не снилось, и вскоре я повадился приезжать к ним по вечерам почитать.

Эти ребята разительно отличались от здоровых, так называемых нормальных детей на базе. Последние вечно были в центре внимания и получали от родителей все, чего ни попросят. Мои же «особые» дети всегда с большой благодарностью принимали любое доброе слово и, несмотря на инвалидность, отличались дружелюбием и готовностью к приключениям.

Я и не догадывался о том, что все это время за мной наблюдали психологи. Видимо, я и правда очень неплохо справлялся, раз привлек их внимание к своей персоне. Так или иначе, сотрудники кафедры психологии университета Восточного Нью-Мексико оценили мою работу и предложили мне четырехлетнюю программу по курсу коррекционно-развивающего обучения со стипендией.

Хотя я скорее задумывался о психологии промышленного производства, детишек я полюбил, да и перспектива вырисовывалась неплохая. В сущности, я все равно мог остаться в ВВС и выбрать карьеру офицера. Предложение университета я передал на рассмотрение гражданскому совету авиабазы по личному составу, но там решили, что ВВС не нуждается в специалисте по детям с отклонениями. Такой ответ меня несколько удивил, ведь на базе всегда было полно детей на иждивении. В общем, от образования по программе пришлось отказаться, но я продолжал навещать своих любимцев.

В 1969 году на Рождество я собирался навеститься домой, навестить родных. Мне предстояло проехать сто миль обратно до Амарильо, а там пересесть на самолет до Нью-Йорка, но мой выдавший виды «фольксваген-жук» едва ли подходил для такого путешествия. Мой лучший друг в ВВС, Роберт Лафонд, любезно согласился дать мне свой «карманнга». Я ужасно не хотел пропускать рождественскую вечеринку в отделе специального обеспечения, но только так я успевал на самолет в Амарильо.

Родители встретили меня в аэропорту «Ла Гуардия». Я никак не мог взять в толк, почему они такие мрачные и даже пришибленные. Ведь жизнь у меня наладилась, и у них больше не было повода испытывать разочарование во мне. Выяснилось, что они получили тревожные известия: некий водитель, по описанию похожий на меня, разбился насмерть в «фольксвагене» рядом с базой. Папа с мамой не знали, жив я или мертв, пока не увидели, как я схожу с трапа.

Оказалось, что Роберт Лафонд, как и многие другие ребята, напился на рождественской вечеринке и отключился. Мне рассказали, что кое-кто из офицеров и сержантов отнес его в мою машину и оставил в ней ключ зажигания. Придя в себя, Роберт попытался выехать с базы. Шел снег, стоял лютый мороз. Произошло лобовое столкновение с микроавтобусом, в котором ехала жена одного из служащих с детьми. Слава богу, они не пострадали, но вот Роберт вылетел через лобовое стекло моей хлипкой машинки и скончался на месте.

Я сходил с ума. Мы были очень близки, и мне не давала покоя мысль, что, не дай он мне свою машину, все обошлось бы. Вернувшись на базу, я собрал личные вещи Роберта, упаковал их и отправил его семье. Перед глазами у меня стояла разбитая в хлам машина, ужасная авария снилась мне по ночам. Мы вместе с Робертом покупали рождественские подарки для его

родителей, живших в Пенсаколе, штат Флорида. Подарки доставили им в тот же день, когда офицеры ВВС постучали в дверь, чтобы сообщить о смерти сына.

Меня терзала не только скорбь, но и злость на невольных виновников аварии, посадивших моего пьяного друга в машину. Словно сыщик, которым впоследствии я стал, я опрашивал народ, пока круг подозреваемых не сузился до двоих человек. Затем я вломился к ним в кабинет, схватил за грудки, прижал к стенке и начал по очереди избивать что было мочи. Меня оттащили. Я так обезумел, что мне было совершенно наплевать, пойду я под трибунал или нет. Я убедил себя в том, что они убили моего лучшего друга.

Учитывая мое формальное обвинение в адрес тех двоих, военному трибуналу пришлось бы изрядно попотеть. А кроме того, к тому моменту американские ВС уже начинали сворачивать свою деятельность во Вьетнаме, и тем срочникам, кому оставалось несколько месяцев до демобилизации, разрешалось уходить досрочно. Поэтому лучшее, что отдел личного состава мог для меня сделать, это отправить домой на несколько месяцев раньше положенного.

В остаток времени на службе я завершил обучение, получил степень бакалавра и поступил на магистерскую программу по курсу психологии промышленного производства. Теперь я жил в Кловисе на стипендию по Акту о реорганизации военнослужащих¹², снимая за семь долларов в неделю подвальную комнатку без окон и сражаясь с полчищами огромных тараканов, выстраивавшихся в боевой порядок каждый раз, когда я возвращался домой и включал свет. Не имея более доступа к инфраструктуре авиабазы, я вступил в дешевый запущенный фитнес-клуб, атмосфера и декор которого мало чем уступали моей комнате.

Осенью 1970-го в клубе я познакомился с парнем по имени Фрэнк Хейнс. Он оказался агентом ФБР и по совместительству единственным представителем регионального отделения в Кловисе. Мы крепко сдружились на тренировках. Обо мне он был наслышан от бывшего командира базы и потому всячески старался завербовать меня в Бюро. Откровенно говоря, я никогда всерьез не задумывался о службе в правоохранительных органах. По завершении обучения я планировал устроиться куда-нибудь по специальности. Работа в крупной компании, решение кадровых вопросов, оказание поддержки сотрудникам, в том числе в преодолении стрессовых ситуаций, обещали мне надежное и обеспеченное будущее. До сих пор первая и единственная встреча с представителями ФБР у меня состоялась в Монтане, когда кто-то украл посылку, отправленную мной домой. Местный агент провел со мной беседу, подозревая, что я все подстроил с целью получения страхового возмещения. Он ошибался, а у меня сложилось не лучшее впечатление о ФБР: если в Бюро только и занимаются подобными вещами, мне там делать нечего.

Фрэнк не сомневался, что из меня получится хороший спецгент, и упорно продолжал увещевать меня. Несколько раз он приглашал меня к себе на ужин, познакомил с женой и сыном, показал пистолет и чек на зарплату, о какой я мог только мечтать. Стоит признать, что на фоне моего жалкого существования Фрэнк купался в роскоши. И я решил согласиться.

Фрэнк остался в Нью-Мексико. Много лет спустя наши пути снова пересеклись, когда я приехал давать показания по одному делу по его части. Женщину жестоко убили, а труп сожгли, чтобы замести следы. Но тогда, осенью 1970-го, я был далек от таких ужасов.

Фрэнк отправил мои документы в отделение в Альбукерке. Мне предложили пройти стандартный тест по праву для не юристов. Из-за мускулистого телосложения с весом под сто килограммов я превышал предельную норму ФБР для сотрудников ростом 189 сантиметров. В Бюро превышать стандарт веса разрешалось только одному человеку – легендарному директору, самому Джону Эдгару Гуверу. Две недели я питался исключительно желатином и варе-

¹² Закон 1944 года, по которому ветеранам Второй мировой войны, а затем и просто демобилизованным военнослужащим полагались пенсия и субсидии на образование.

ными яйцами, чтобы похудеть. Кроме того, я сменил три прически, пока мой вид не признали годным для фото на удостоверение.

Наконец в ноябре меня взяли на испытательный срок, предложив для начала зарплату 10 869 долларов. Я получил возможность выбраться из мрачной подвальной каморки без единого окна. Интересно, что я сказал бы, знай я тогда, что большую часть своей профессиональной карьеры в Бюро я проведу в другом подвале, тоже без окон, разгадывая куда более мрачные истории.

Глава 3. Хватит и пары капель

Приходят многие, остаются единицы.

Нам, новобранцам, постоянно вдалбливали в голову эту мысль. Почти каждый, кто интересовался карьерой в правоохранительных органах, страстно желал стать специальным агентом Федерального бюро расследований Соединенных Штатов Америки. Но такую возможность получали только лучшие. Гордое наследие этой организации тянется из далекого 1924-го, когда неприметный государственный адвокат по имени Джон Эдгар Гувер начал наводить порядок в коррумпированном, плохо устроенном и управляемом агентстве. Когда в Бюро пришел я, тот же самый мистер Гувер – с той же крутой челюстью и железным кулаком, только уже семидесятипятилетний, – все еще правил изменившейся до неузнаваемости организацией. Нам предстояло продолжить его дело.

Телеграмма от директора указывала мне явиться 14 декабря 1970 года в девять утра по адресу: Пенсильвания-авеню, Олд-пост-офис-билдинг, кабинет 625, где начнется моя подготовка длительностью в 14 недель, по завершению которой из обычного гражданина я превращусь в спецагента ФБР. До ее начала я съездил домой на Лонг-Айленд и сообщил новость родителям. Отец так возгордился, что вывесил перед домом американский флаг. Из-за военной службы у меня в гардеробе не нашлось никакой приличной гражданской одежды, так что отец купил мне три классических костюма – синий, черный и коричневый, – белые рубашки и две пары туфель, черные и коричневые. Затем он отвез меня в Вашингтон, чтобы я не опоздал в первый рабочий день.

Вскоре я приобщился к обычаям и ритуалам ФБР. Специальный агент, который вел церемонию вступления, приказал нам достать золотые значки и, глядя на них, прочитать присягу. Вперив взгляд в женщину с завязанными глазами и весами правосудия, мы в унисон торжественно поклялись хранить и защищать Конституцию Соединенных Штатов от всех посягательств как внутри страны, так и за рубежом. «Смотрите ближе! Ближе!» – приказывал спецагент, пока значки не оказались у нас перед самым носом и глаза не съехали в кучку.

Мой новый спецагентский учебный класс состоял исключительно из белых мужчин. В 1970-х чернокожих у нас было по пальцам пересчитать, а женщин и вовсе не водилось. Ситуация начала понемногу меняться по завершении длительной эпохи правления Гувера, но его могущественный призрак по-прежнему витал в коридорах Бюро. Возраст агентов по большей части колебался от двадцати пяти до тридцати пяти, так что в свои двадцать пять я считался одним из самых юных.

Нам строго-настрого наказали отслеживать возможных советских агентов, которые обязательно попытаются выйти на нас и завладеть нашими секретами. Они могут быть где угодно. Особую осторожность следовало проявлять в общении с женщинами. Мозги нам промыли настолько основательно, что я отказался от свидания с чрезвычайно эффектной девушкой, работавшей вместе с нами, когда та позвала меня пообедать вместе. Я боялся, что приглашение подстроено и нас таким образом проверяют.

Академию ФБР на военно-морской базе в Куантико, штат Вирджиния, тогда еще не достроили, и там мы занимались только физической подготовкой, а учебные занятия проходили в том же самом Олд-пост-офис-билдинге в Вашингтоне.

Одна из первых вещей, которым обучают каждого стажера, – агент ФБР стреляет только на поражение. В основу этого правила легли принципы столь же строгие, сколь и логичные. Если вытащил оружие, значит, принял решение стрелять. Если же счел ситуацию достаточно опасной для пальбы, значит, она достаточно опасна и для того, чтобы отнять чужую жизнь. Когда выхватываешь ствол, некогда неспешно прикидывать траекторию или просчитывать

варианты, а попытки лишь припугнуть цель в попытке ее нейтрализовать слишком опасны. Нельзя рисковать ни своей жизнью, ни жизнью потенциальной жертвы.

Не менее строгое обучение мы проходили по криминальному праву, анализу отпечатков, насильственным и должностным преступлениям, техникам задержания, оружию, рукопашному бою, а также по истории и роли Бюро в обеспечении правопорядка в стране. Однако лучше всего мне запомнилось одно занятие в самом начале нашего обучения. Мы называли его «матерной тренировкой».

– Дверь закрыли? – спросил инструктор. Затем он раздал нам по листку: – Выучите эти слова.

Помнится, там фигурировали такие перлы изящной словесности, как «дерьмо», «гребаный», «куннилингус», «минет», «пизда» и «залупа». Эти слова нам приказали выучить как «Отче наш», чтобы, если вдруг на практике мы их услышим – например, во время допроса подозреваемого, – мы знали, что делать. А делать нужно было вот что: любой рапорт по делу, содержащий подобные слова, следовало передавать «стенографистке по непристойностям» – я не шучу! – а не обычному секретарю. Стенографисткой по непристойностям обычно служила заматеревшая и прожженная женщина постарше, способная справиться с потрясением от подобных выражений. Помните, в те времена у нас в основном работали мужчины, а в 1970-х нравственность отличалась от современной, во всяком случае, в ФБР под руководством Гувера. Нам даже дали тест на правописание этих слов, который затем собрали, проверили и, как я полагаю, сожгли в ведре.

Несмотря на подобные гадости, все мы оставались идеалистами в том, что касалось борьбы с преступностью. Мы считали, что сможем изменить мир к лучшему. Где-то в середине курса «молодого бойца» меня пригласил к себе в кабинет заместитель директора по подготовке кадров Джо Каспер, один из доверенных подручных Гувера. В Бюро его прозвали Дружелюбным Привидением по имени мультгероя – скорее иронично, нежели в обиду. Каспер сказал мне, что я показываю отличный результат почти по всем направлениям подготовки, кроме коммуникаций в Бюро (методология и номенклатура коммуникаций между множеством подразделений нашей организации), где я успеваю ниже среднего.

– Сэр, я хочу быть лучшим, – ответил я.

Таким ярым парням, как я, приписывают вырывающееся из задницы синее пламя. Оно, конечно, придает известное ускорение, но всеобщего внимания тут не миновать. Если синепламенный добивается успеха, он имеет полное право претендовать на звание короля мира. Но если он облагается, то падение и ожоги будут очень болезненными и к тому же станут всеобщим достоянием.

Каспер, может, и был строгим, но никак не глупым, и в свое время он повидал немало синепламенных.

– Хочешь быть лучшим? На. – Он швырнул мне толстенный талмуд по коммуникациям и приказал выучить его к концу рождественских каникул.

Чак Ландсфорд, один из двух академических наставников нашей группы, прослышал об этом и захотел со мной поговорить.

– Что ты ему там сказал? – спросил он.

Я объяснил. Чак от удивления выпучил глаза. Мы оба знали, что на этом моя блистательная карьера закончилась.

На Рождество я отправился домой к родителям. Домашние готовились к празднику, а я с головой ушел в учебник по коммуникациям. Не о таких каникулах я мечтал.

Вернувшись в Вашингтон в начале января, я должен был держать ответ за свое синепламенное поведение в виде письменного теста по изученному материалу. Не передать словами, какое облегчение я испытал, когда наш второй наставник, Чарли Прайс, сообщил, что я набрал 99 баллов.

– На самом деле у тебя сто, но мистер Гувер считает, что идеальных не бывает.

Примерно на середине курса у нас спросили, в каком региональном подразделении мы бы хотели пройти практику. У ФБР насчитывается пятьдесят девять отделений по всей стране. Я чувствовал, что выбор одного из них – это тоже своего рода игра в шахматы между новобранцами и руководством. Как и всегда, я постарался мыслить как противная сторона. Сам я родом из Нью-Йорка, и возвращаться туда мне особо не хотелось. А вот за Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Майами, возможно, Сиэтл и Сан-Диего, думалось мне, разгорится нешуточная борьба. Поэтому, если я выберу какой-нибудь город второго порядка, то с большой вероятностью туда и попаду.

Я выбрал Атланту. А попал в Детройт.

По выпуску нам выдали постоянные удостоверения, шестизарядный револьвер «смит-вессон» 10-й модели, шесть патронов к нему и приказали убираться из города как можно быстрее. Наше руководство всегда боялось, что зеленые и неотесанные молодые агенты попадут в неприятности, не успев выехать из Вашингтона, прямо под носом мистера Гувера. А от этого плохо станет всем.

Еще мне дали книжицу под названием «Гид по выживанию в Детройте». Город носил славу одного из самых расово нетерпимых в стране, все еще содрогался отзвуками бунтов 1967 года и мог бы поспорить за титул столицы американской преступности: в год здесь совершалось более восьмисот убийств. В офисе у нас даже делали стремноватые ставки на то, с каким числом убийств завершится год. Как и большинство новичков, я был полон энергии и оптимизма, но вскоре осознал весь масштаб бедствия. Я провел четыре года в ВВС, но ближе всего к боевым действиям был в те дни, когда лежал в госпитале рядом с ранеными ветеранами войны во Вьетнаме после травмы носа на футболе. Короче говоря, до Детройта мне ни разу не приходилось ни с кем воевать. ФБР там никто не любил. Мы внедрились в студгородки и организовали сеть городских информаторов. Наши мрачные черные авто были что красная тряпка для быка. Во многих кварталах в нас швыряли камнями. Немецкие гончие и доберманы тоже особо нас не жаловали. В отдельных районах нам строго запрещалось находиться без надежного прикрытия и огневой мощи.

Местную полицию мы тоже сильно бесили. Копы обвиняли Бюро в «махинациях» с раскрываемостью, публикации пресс-релизов до завершения расследований и присвоении результатов работы полиции. Ирония судьбы состояла в том, что в год моего боевого крещения, в 1971-м, было нанято около тысячи новых агентов, и львиную долю практики обеспечивало не Бюро, а как раз местные копы, которые взяли нас под свое крыло. Без сомнения, во многом успехи моего поколения стали возможными только благодаря профессионализму и щедрости офицеров полиции во всех уголках Соединенных Штатов.

Особенно часто приходилось иметь дело с ограблениями банков. По пятницам, когда они до отказа забиты наличными для выдачи зарплат, у нас случалось в среднем по два-три вооруженных ограбления, а иногда цифра доходила и до пяти. До того как пуленепробиваемые стекла стали обычной практикой в детройтовских банках, мы наблюдали ужасающую смертность среди кассиров. Был даже такой случай, записанный на камеру видеонаблюдения: менеджера жестоко застрелили прямо за рабочим столом на глазах у молодой пары, пришедшей оформлять кредит, а те так и остались сидеть, беспомощно наблюдая за происходящим. Грабитель был недоволен тем, что менеджер не открыл хранилище с часовым механизмом. Доступ к десяткам тысяч долларов наличными имели не только сотрудники банков. В некоторых районах не меньшему риску подвергались даже работники таких сетей, как «Макдоналдс».

Меня определили в отдел быстрого реагирования, что означает выезд на преступления, которые уже совершены, например на ограбление или вымогательство. Там мне пришлось работать в составе группы ПБИП – противоправного бегства во избежание преследования. Для меня это был прекрасный опыт, поскольку группа ПБИП никогда не сидела на месте. Помимо

общеофисных ежегодных ставок на число убийств, внутри группы мы также соревновались в том, кто за день задержит больше всего преступников. Прямо как у автодилеров, когда они стараются в отведенное время перещеголять друг друга в объемах продаж.

В то время одним из наиболее загруженных направлений работы было военное дезертирство, которое мы называли «класс 42». Война во Вьетнаме порвала страну пополам. Как только солдаты получали возможность покинуть место расположения, они ни за что не хотели туда возвращаться. Именно «класс 42» совершал нападения на офицеров правоохранительных служб чаще любого другого типа беженцев или дезертиров.

В первом своем деле в ПБИП я отследил одного военного дезертира до автомастерской, где тот работал. Я представился, рассчитывая, что человек сдастся без лишнего шума. И тут он вытаскивает заточенный складной нож с перемотанной черной изолентой ручкой и бросается на меня. Я отшатнулся, едва успев увернуться от удара, а затем одним рывком бросил нападавшего на стеклянную дверь гаража, прижал коленом к полу и приставил ствол к затылку. Тем временем управляющий поносил меня на чем свет стоит, что я забираю у него хорошего работника. Во что, черт возьми, я ввязался?! Разве о такой карьере я мечтал? Стоит ли постоянно рисковать собственной шкурой, выслеживая всякую мелкую шушеру? Привлекательность психологии производства резко возросла в моих глазах.

Охота на дезертиров не только иссушала эмоционально, но и создавала взаимную неприязнь между вооруженными силами и ФБР. Иной раз оформим ордер на арест, найдем нужного человека и схватим его прямо на улице. А он, взбешенный нашей наглостью, начинает колотить кулаком по искусственной ноге, за которую во Вьетнаме получил «Пурпурное сердце» и «Серебряную звезду». На деле дезертиров, вернувшихся в страну самовольно или найденных вооруженными силами, отправляли обратно во Вьетнам в качестве наказания. Многие из них не раз отличились в бою, но военные могли ничего нам об этом не рассказать. Так что, по нашим данным, они оставались беглецами. Из-за этого наша репутация упала ниже плинтуса.

Но хуже всего бывало, когда мы по наводке отправлялись домой к дезертиру, а его жена или родители, все в слезах, пылая праведным гневом, сообщали, что тот погиб смертью храбрых. Мы попусту тратили время, гонясь за мертвецами, но военные не трудились давать нам актуальную информацию.

Вне зависимости от профессии на практике узнаешь такие вещи – будь то мелочи или что-то серьезное, – которым не учат в школе. Например, что делать с пистолетом в определенных ситуациях – скажем, если ты в общественном туалете? Снять вместе с поясом и положить на пол? Повесить на дверь кабинки? Сначала я пытался удерживать оружие на коленях, но все равно сильно переживал о его сохранности. С подобной проблемой сталкивается каждый из нас, но стесняется обсудить ее с более опытными коллегами. Я работал всего месяц, и потому она казалась мне серьезной.

Переехав в Детройт, я приобрел еще один «фольксваген-жук». По иронии судьбы именно эта модель больше всего полюбилась серийным убийцам. Такая была и у Те-да Банди, именно по ней его и выследили. Короче, я припарковался у местного торгового центра и отправился в магазин мужской одежды, чтобы купить новый костюм. Учитывая, что мне придется мерить одежду, я решил, что оружие лучше где-нибудь спрятать. Я запихнул его в бардачок и отправился за покупками.

К слову, у «жука» есть пара интересных особенностей. Поскольку двигатель располагается сзади, запасное колесо хранится в багажнике под капотом, что очень характерно для сборки автомобилей в те дни. Вскрыть ее тоже не составляет особого труда, и запаски крадут сплошь и рядом. Не менее важен и тот факт, что багажник открывается кнопкой в бардачке.

Думаю, вы уже все поняли. Вернувшись к машине, я обнаружил, что окно разбито. Анализируя это крайне запутанное преступление, я пришел к выводу, что «запасковый» вор разбил

стекло, открыл бардачок, чтобы добраться до капота, но обнаружил кое-что более интересное. Это я понял еще и по тому, что запаска была на месте, в отличие от пистолета.

«Твою мать! – сказал я сам себе. – Не проработал и месяца, а уже стал поставлять оружие нашим врагам!» А еще я знал, что потеря оружия или удостоверения означает моментальный выговор. Тогда я решил поговорить со старшим группы, Бобом Фитцпатриком. Фитцпатрик у нас был знаменитостью и большим авторитетом. Всегда одетый с иголки, в Бюро он слыл живой легендой. Он понял, что я сурово подставился и сильно переживаю. Об утере оружия заявляют в аппарат директора. Просто замечательно! Вот вам и первая запись в моем личном деле. Боб сказал, что нужно придумать что-нибудь очень креативное, построить рапорт вокруг того, что я очень ревностно охраняю общественную безопасность и не хотел ставить на уши продавцов видом оружия, чтобы никто не подумал на ограбление. Он утешил меня тем, что в ближайшие два года меня все равно не повысили бы, так что выговор никак не повредит, если в дальнейшем я буду избегать подобных неприятностей.

Именно так я и поступил, хотя потеря пистолета не давала мне покоя еще долгое время. «Смит-вессон» 10-й модели, который я вернул в арсенал Куантико, увольняясь из Бюро спустя почти двадцать пять лет службы, мне выдали на замену первого. Слава богу, первый ни разу не засветился в преступлении. Просто исчез без следа.

Я жил в опрятном таунхаусе вместе с двумя другими холостыми агентами, Бобом Макгонигелом и Джеком Кунстом. Наш дом расположился в районе Тейлор, что на южной окраине Детройта, штат Мичиган. Мы стали отличными друзьями, а Боба я и вовсе попросил быть моим шафером на свадьбе. Он чудаковатый. Даже на обыск он надевал костюмы из мятого бархата и рубашки лавандового оттенка. Похоже, он единственный во всем ФБР не боялся Гувера. Позже Боб стал работать под прикрытием, где ему и вовсе не надо было больше носить костюм.

В Бюро Макгонигел начинал как простой секретарь, а потом «изнутри» дорос до спец-агента. Некоторые лучшие люди в ФБР тоже прошли этот путь. Такие были и среди тех, кого я позже отобрал в отдел следственного сопровождения. В определенных кругах бывших секретарей не жаловали как бы за то, что те специально стремились к должности агента.

Боб лучше всех умел «звонить под предлогом». Это такой упреждающий прием, который мы разработали для поимки преступников, и особенно полезный в тех ситуациях, когда элемент неожиданности имеет первостепенное значение.

Боб также был маэстро самых разных акцентов. Если подозреваемый – член мафии, то Боб изображал итальянский акцент. В глазах «Черных пантер»¹³ он всегда сходил за простого чувака с улицы. В его арсенале имелись персона исламской национальности, ирландский ува-лень, еврей-иммигрант и сноб из элитного квартала. Боб не только хорошо изображал различные акценты, но и перестраивал свой лексикон так, чтобы максимально вписаться в заданный образ. Он настолько умело все это проделывал, что как-то раз даже позвонил Джо Делькампо – еще одному агенту, о котором вы вскоре прочитаете, – и представился чернокожим боевиком, желающим получить деньги за тайную информацию. Тогда обеспечить свои источники в городе было крайне сложно, и Джо обрадовался, что на крючок ему попала крупная рыба. Но на встречу никто не явился. Джо едва не прибил Боба на следующий день, когда тот поприветствовал его голосом «боевика»!

Одно дело – арестовывать плохих парней. Но вскоре мне стало интересно, как они мыслят. Арестовывая очередного преступника, я задавал ему разные вопросы – например, почему он выбрал именно этот банк, а не другой, почему остановился именно на этой жертве. Мы все прекрасно знали, что грабители предпочитают совершать налеты на банки по пятницам, когда

¹³ Леворадикальная организация чернокожих в США.

там скапливается наибольший объем наличности. Но я хотел знать больше. Меня интересовало, какими соображениями руководствуются преступники при подготовке и осуществлении налета.

Должно быть, выглядел я не слишком грозным. Как и в школьные годы, мне удавалось быстро расположить людей, и они легко открывались. Чем больше я опрашивал этих ребят, тем яснее понимал, что успешные преступники являются по совместительству и хорошими профайлерами. Каждый из них анализирует тщательно составленный «портрет» банка. Одни грабители предпочитают хранилища, расположенные рядом с оживленными дорогами или междугородними автомагистралями, чтобы обеспечить быстрый отход и скрыться, прежде чем будет организовано преследование. Другие предпочитают небольшие, изолированные точки, такие как временные отделения банков в трейлерах. Третьи заранее проведут разведку, чтобы иметь полную картину: сколько людей там работает, какое количество посетителей ожидается в то или иное время суток и т. д. Иногда злоумышленники продолжают обходить отделения, пока не найдут такое, где работают исключительно женщины. Удобнее всего грабить банки, не выходящие окнами на улицу, поскольку снаружи не будет свидетелей ограбления, а внутри самого здания никто не приметит машину для отхода. Самые матерые практики даже пришли к выводу, что гораздо эффективнее передать служащему записку об ограблении, вместо того чтобы выступать с публичным заявлением, размахивая стволом, но записку, конечно, на выходе нужно забрать, чтобы не оставлять улики. Для отхода как нельзя кстати подходит краденая машина, которую в идеале следует подогнать к банку заранее, чтобы не вызывать излишних подозрений. Внутрь – пешком, наружу – на колесах. Грабитель, совершивший на определенный банк особенно удачный налет, будет наблюдать за ним еще некоторое время и, если условия останутся прежними, в течение пары месяцев совершит повторное ограбление.

Из всех публичных мест банки, пожалуй, лучше остальных защищены от ограблений. Но каждый раз, когда я провожу расследование обстоятельств кражи, меня поражает, что работники могут забыть заправить свежую пленку в камеры видеонаблюдения, не перезарядить сигнал тревоги после случайного нажатия или нажимать «тревожную кнопку» так часто, что полиция, уповая на очередную случайность, не станет торопиться на очередной вызов. Для умелого грабителя это все равно что вывесить плакат с призывом: «Ограбь меня!»

Когда начинаешь заниматься психоанализом – а я тогда еще не знал, как это называется, – взгляду открывается тесная взаимосвязь многих факторов. Изучив ее, уже можно принимать упреждающие меры для поимки плохих парней. Например, если мы имеем дело с серией налетов, похожих друг на друга, а из бесед с преступниками складывается четкое понимание, что именно привлекло их в каждом отдельном случае, то нужно как следует залатать дыры в безопасности каждого из отделений этого банка, кроме одного. Оно будет находиться под постоянным присмотром сотрудников полиции и / или ФБР в штатском, находящихся внутри. Таким образом можно вынудить грабителя прийти именно в туда, где все готово к его поимке. Когда мы приняли на вооружение такую упреждающую тактику, раскрываемость банковских грабежей резко возросла.

Чем бы мы ни занимались в те дни, мы работали в незримом присутствии Дж. Эдгара Гувера, как и наши предшественники с 1924 года. В эпоху бессмысленных перестановок и самосуда было сложно передать тот уровень власти и контроля, который Гувер имел не только над ФБР, но и над высшими лицами в правительстве, над СМИ и широкой общественностью. Чтобы выпустить произведение о ФБР, как, например, толстенный талмуд Дона Уайтхеда «История ФБР», бестселлер 1950-х, или известный фильм Джеймса Стюарта на его основе, или же телесериал типа «ФБР», снятый Ефремом Цимбалистом-младшим в 1960-х, нужно было сперва получить личное разрешение и согласие мистера Гувера. Точно так же, если вы занимаете высокую должность в правительстве, у вас всегда будет сосать под ложечкой из-за того, что у директора на вас «что-то есть». Особенно если вдруг раздастся звонок и Гувер дружелюбным

тоном поведает, что ФБР раскопало неприятный слушок, который он изо всех сил постарается сохранить в тайне, чтобы тот, не дай бог, не стал болезненным достоянием общественности.

Но нигде так не чувствовалась таинственная личная сила мистера Гувера, как в местных отделениях и среди руководства Бюро. Все соглашались с тем фактом, что своим престижем и статусом ФБР обязано только ему. Дж. Эдгар чуть ли не единолично превратил агентство в то, каким оно стало сегодня, без усталости сражаясь за увеличение бюджета и зарплаты. Его уважали и боялись, а если кто и был о нем невысокого мнения, то держал это при себе. Сохранялась железная дисциплина. При проверках отделений летели головы и объявлялись выговоры. Если проверяющие не находили в достаточном объеме поводов для улучшения, Гувер мог заподозрить халатность. Поэтому вне зависимости от того, удовлетворительно работало отделение или нет, все равно каждая инспекция объявляла некоторое число выговоров. Это как квота на штрафы за нарушение ПДД. Все было настолько серьезно, что спецагенты-руководители (или просто САРы) вместо себя искали козлов отпущения, далеких от повышения. Выговор мог серьезно повредить карьере.

Однажды произошла история, которая перестала казаться такой уж забавной после ужасающего теракта в административном здании Оклахома-сити в 1995 году¹⁴. По завершении очередной инспекции в офисе ФБР раздался анонимный звонок с сообщением о бомбе. Звонок отследили до телефонной будки, находившейся в центре города, рядом с административным зданием, в котором и располагался офис Бюро. Прибывшие из Центра уполномоченные снесли будку целиком, чтобы сопоставить отпечатки пальцев на монетках в телефоне с данными 350 сотрудников офисного здания. К счастью для всех нас, в конце концов разум возобладал и обошлось без допросов. Но это пример того, какое напряжение создавала политика мистера Гувера.

Каждое наше действие было четко регламентировано. Хотя мне ни разу не посчастливилось встречаться с главой Бюро один на один, в кабинете у меня стояла (да и сейчас стоит) фотография с его подлинным автографом. Даже для получения такого фото молодые агенты соблюдали особый порядок. САРы советовали попросить секретаря написать подхалимное письмо о том, как ты гордишься званием спецагента ФБР и обожаешь мистера Гувера. Если письмо составлено правильно, то вскоре тебе выдавали фотку с наилучшими пожеланиями, которая для окружающих становилась символом твоей личной связи с главным.

Происхождение некоторых других процедур доподлинно неизвестно. Они могли как основываться на прямых указаниях Гувера, так и попросту рождаться в результате чрезмерно ретивой интерпретации его пожеланий. Нормой считалось брать сверхурочные, и при этом каждый должен был работать больше среднего. Уверен, вы уже подметили дилемму. Рабочий день удлинялся месяц за месяцем, словно безумная пирамида. Со временем даже самые честные и ответственные агенты начинали подделывать свой график. На работе запрещались перекуры или перерывы на кофе. И, словно отчаявшиеся коммивояжеры, со временем сотрудники переставали шататься по офису, даже чтобы поговорить по телефону. Каждый из нас находил собственный способ выживать в подобных условиях. Я, например, много времени проводил в кабинке общественной библиотеки, освежая в памяти прошлые дела.

Одним из наиболее ярких последователей евангелия от святого Эдгара был наш САР Нил Уэлч по прозвищу Виноград. Уэлч, крупный парень около 195 сантиметров роста, носил очки с толстыми стеклами и отличался твердым и мужественным нравом. Беспечность и теплота — это не про него. В Бюро он построил выдающуюся карьеру, среди прочего работая в отделениях Филадельфии и Нью-Йорка. Ходили слухи, что он займет место Гувера, когда (точнее, если)

¹⁴ В результате взрыва заминированного автомобиля было разрушено административное здание им. Альфреда Марра, погибли 168 человек, еще 680 получили ранения; взрыв разрушил или повредил 324 здания в радиусе 16 кварталов, уничтожил 86 автомобилей, выбил стекла домов в радиусе 4,5 км.

до этого дойдет. В Нью-Йорке Уэлч сформировал группу, которая в борьбе с организованной преступностью первой успешно применила положения акта РИКО¹⁵. Но тогда, в Детройте, он во всем следовал уставу.

Естественно и неизбежно, Уэлч и Боб Макгонигел должны были схлестнуться. Это произошло однажды в субботу, когда все разъехались по домам. Виноград позвонил Бобу и приказал тому немедленно явиться к нему вместе с нашим старшим группы, Бобом Фитцпатриком. Когда Макгонигел приехал, Уэлч заявил, что кто-то все время названивает в Нью-Джерси с рабочего телефона. А использовать телефон по личным вопросам у нас строго запрещено. На самом деле, какими именно были эти звонки, никто не знал, но тут в ФБР предпочитают не рисковать.

Уэлч, жесткий, когда надо, обычно начинает с очень эффективных техник допроса, под которыми субъект раскалывается в один миг.

– Ну, Макгонигел, что это за звонки?

Боб принялся перечислять все телефонные звонки, какие только пришли на ум. Он опасался, что у Уэлча может быть на него что-нибудь посерьезнее, и надеялся притушить гнев САРа, признавшись в мелких нарушениях.

Тогда Уэлч поднялся во весь свой громадный рост, навис над столом и угрожающе ткнул в Боба пальцем:

– Макгонигел, вот что я тебе скажу. У тебя два существенных недостатка. Во-первых, ты бывший секретарь. А я ненавижу сраных секретарей! Во-вторых, если я еще раз увижу на тебе лавандовую рубашку, особенно во время инспекции, я дам тебе такого пинка под зад, что ты улетишь на самую Ист-Джефферсон-стрит. А если я еще раз замечу тебя хотя бы рядом со служебным телефоном, то спущу в шахту лифта. А теперь пошел вон из моего кабинета!

Совершенно разбитый, Боб вернулся домой, уверенный, что увольнения не миновать. Нам с Джеком Кунстом было его очень жаль. А на следующий день Фитцпатрик признался мне, что, едва Макгонигел ступил за порог, как они с Уэлчем буквально покатались со смеху.

Годы спустя, когда я возглавил отдел следственного сопровождения, меня как-то спросили, смог бы кто-нибудь из нас, опираясь на все наши знания о поведении и анализе места преступления, совершить идеальное убийство. На подобные вопросы я всегда отвечаю: нет. Вне зависимости от накопленных знаний наше поведение после совершенного все равно нас выдаст. Однако не могу не признать, что инцидент между Макгонигелом и Уэлчем отлично доказывает, что даже первоклассный агент ФБР не защищен от приемов опытного дознавателя.

Кстати, с того момента, как Боб вышел из кабинета САРа тем субботним вечером, он впредь надевал ослепительно-белые рубашки, строже которых не сыщешь... пока Нила Уэлча не перевели в Филадельфию.

Рычаг Гувера, с помощью которого тот добивался от Конгресса выделения дополнительных средств на нужды Бюро, обеспечивался в основном статистическими данными. Но чтобы директор мог использовать положительную статистику, исполнители должны были ее создать.

Так уж получилось, что в начале 1972-го Уэлч пообещал боссу сто пятьдесят арестов по игорному бизнесу. Очевидно, на тот момент указанная категория нуждалась в некотором росте. Короче, мы организовали сложную систему информаторов, понатыкали прослушки, всё по-военному распланировали с единственной целью: достичь апогея к моменту проведения финальной игры чемпионата НФЛ, крупнейшего в году рассадника нелегального игорного бизнеса. «Далласские ковбои», в напряженной борьбе уступившие «Балтиморским кольтам» в прошлом году, теперь играли с «Дельфинами Майами» в Новом Орлеане.

¹⁵ RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) – закон по борьбе с организациями, вовлеченными в рэкет и коррупцию, путем разрешения судить их лидеров, напрямую не совершающих преступлений, а лишь отдающих приказы.

Арестовывать букмекеров нужно с быстротой и точностью молнии, потому что те обычно используют пиробумагу (сгорает мгновенно) или картофельную бумагу (быстро растворяется в воде). Вся операция стояла под угрозой из-за переменных дождей, ливших весь день.

Тем дождливым вечером в нашу паучью сеть попало более двух сотен игроков. В какой-то момент я заковал в наручники одного субъекта, посадил на заднее сиденье и повез в арсенал, где мы их всех и упаковывали. Приятный парень, приветливый. Еще и симпатичный, похож на Пола Ньюмана. Он предложил:

– Однажды, когда все это закончится, давай выберемся поиграть в рэккетбол.

Так как задержанный был довольно общительным, я решил порасспрашивать его, как расспрашивал грабителей банков:

– Зачем ты это делаешь?

– Мне нравится, – ответил он. – Пусть сегодня арестуют всех нас, Джон, но от этого ничего не изменится.

– Такой умный парень мог бы легко зарабатывать и честным трудом.

Он покачал головой: мол, ничего я не понимаю. Дождь забарабанил сильнее. Он кивнул в сторону, обращая мое внимание на стекло автомобиля.

– Видишь эти две капли? – указал он. – Держу пари, левая докатится до низу быстрее правой. Нам не нужен Суперкубок. Хватит и пары капель. Нас не изменишь, Джон. Мы такие, какие есть.

Та короткая беседа поразила меня, что гром среди ясного неба, в одно мгновение прояснив мне разум. Со стороны я могу показаться наивным, но вдруг все мои исследования о грабителях и прочих преступниках свелись к одной простой мысли.

Мы такие, какие есть.

Глубоко в разуме и психике преступника сокрыто некое наследие, которое вынуждает его поступать именно так, а не иначе. Позднее, когда я стал изучать сознание и мотивацию серийных убийц, и далее, исследуя места преступлений в поисках поведенческих зацепок, я всегда отмечал один или несколько элементов, характерных именно для этого преступления, именно для этого преступника. Я искал то, что отражало его сущность.

В конце концов для описания этого уникального элемента и личного импульса, всегда остающихся неизменными, я придумал термин «почерк». Я использую его иначе, чем привычный *modus operandi*, который зачастую может меняться. «Почерк» стал центральной категорией нашей работы в отделе следственного сопровождения.

В итоге сотни арестованных, которых мы схватили в день финального матча, были отпущены из здания суда еще на этапе технического разбирательства: в попытке поскорее завершить операцию ордера на обыск подписывались не генеральным прокурором, а его помощником. Однако САР Уэлч все же выполнил обещание и доставил Гуверу некоторое количество задержанных. Во всяком случае, таковыми они оставались достаточно долго для того, чтобы произвести желаемый эффект на Капитолийский холм. Я же получил озарение, которое затем сыграло важнейшую роль в моей правоохранительной карьере. Оказывается, преступникам хватит и пары капель.

Глава 4. Меж двух миров

Мы занимались делом о межштатном угоне грузовика, набитого под завязку виски «Джим Бим» на сумму свыше 100 000 долларов. Стояла весна 1971-го, и я проработал в Детройте уже полгода. Бригадир склада дал нам наводку, где краденый алкоголь планировалось обменять на деньги.

По этому делу мы работали в связке с полицией Детройта, но обе организации разрабатывали собственный план перехвата. Непосредственно взаимодействовали только высокие начальники, но, о чем бы они ни договорились, до нас информация так и не доходила. Поэтому, когда дело шло к аресту, ни одна сторона не имела представления о планах другой.

Ночь. Окраина города. Железнодорожные пути. Я сижу за рулем машины ФБР, а рядом со мной – старший группы Боб Фитцпатрик. Он и обеспечивал информаторов, а исполнителем по делу числился Боб Макгонигел.

Вдруг рация разрывается криками:

– Хватай их! Хватай!

Визг тормозов, наши машины окружают полуприцеп. Тут открывается водительская дверь, оттуда вываливается человек и задает стрелкача. Вместе с агентом из другой машины мы выпрыгиваем наружу, я достаю пистолет и пускаюсь в погоню.

Темно, мы в штатском – никаких костюмов и прочего, – но я никогда не забуду белки глаз копа в униформе, который направил дробовик прямо мне в лицо и скомандовал:

– Стоять! Это полиция! Сложите оружие!

Нас разделяло менее двух с половиной метров, и я понял, что он уже готов спустить курок. Я замер, пытаюсь совладать с мыслью, что любое движение чревато возможностью мигом превратиться в фарш.

Я уже собирался положить пистолет на землю и поднять руки, как услышал бешеный крик Боба Фитцпатрика:

– Это ФБР! Он агент!

Коп опустил ствол, и я инстинктивно снова сорвался с места в погоню за водителем, стараясь наверстать упущенное время. Кровь стучала в ушах. Вместе с другим агентом мы одновременно догнали преступника, сбили его с ног и заковали в наручники. Пожалуй, немного грубее, чем следовало, но я был на взводе. Но те мучительно долгие пару секунд, когда я стоял под дулом ружья и меня едва не разнесло в клочья, были самыми жуткими в моей жизни. С тех пор я много раз влезал в шкуру и голову жертв насилия, убийств, заставляя себя живо представить их мысли и переживания в момент нападения. А взглянуть на дело глазами жертвы мне помогал собственный страх.

Мы, молодняк, изо всех сил старались арестовать как можно больше преступников. Однако многие прожженные ветераны, похоже, считали бессмысленным горбатиться, принимая во внимание тот факт, что их оклад не зависит от того, как часто они рискуют жизнью. Это только у торговых агентов «волка ноги кормят». А поскольку по долгу службы мы большую часть времени проводили вне офиса, определенная категория агентов взяла в привычку в рабочее время рассматривать витрины, сидеть на лавочке в парке и почитывать «Уолл-стрит джорнал».

Будучи синепламенным, я взял на себя обязанность написать служебную записку с предложением ввести систему бонусных выплат, чтобы поощрить наиболее продуктивных работников. Записку я передал нашему ПСАРу, или помощнику спецagenta-руководителя, Тому Нейли.

Том вызвал меня к себе в кабинет, прикрыл дверь, взял со стола мою писанину и одарил меня благосклонной улыбкой:

– Джон, чего ты так разошелся? Получишь ты свою прибавку. – И с этими словами порвал записку пополам. – И за выслугу лет получишь, – пообещал он, снова разрывая бумагу пополам. – И за старание тоже. – Еще раз, и вот он уже вовсю хохочет. – Не раскачивай лодку, Дуглас, – произнес он напоследок, выбрасывая обрывки в мусорную корзину.

Пятнадцать лет спустя, когда Гувера уже давно не стало не только физически, но и частично духовно, в ФБР и в самом деле ввели бонусную систему оплаты труда. Конечно же, сделали это без моей помощи.

Одним майским вечером – на самом деле по причинам, о которых вы вскоре узнаете, я прекрасно помню, что это была пятница после 17 мая, – мы зависали с Бобом Макгонигелом и Джеком Кунстом в нашем любимом баре «Гараж Джима», что расположился прямо напротив офиса. Играл живой рок-н-ролл, мы уже изрядно махнули пива, и тут неожиданно в бар вошла эффектная девушка с подругой. Одета по всем канонам моды того времени, она напомнила мне юную Софи Лорен – в коротком синем платье и кожаных сапогах сильно выше колена.

Я крикнул:

– Эй, в синем! Садись к нам!

К моему удивлению, приглашение было принято. Ее звали Пэм Модика, и мы тут же принялись шутить и подкалывать ее. Оказалось, что они с подругой выбрали отметить двадцать первый день рождения Пэм, то есть законно полученное право употреблять спиртное. Похоже, мое чувство юмора ее зацепило. Позже я узнал, что произвел на нее приятное впечатление, но показался немного «ботанистым» из-за типичной прически госслужащего. Мы оставили «Гараж Джима» и провели остаток ночи, курсируя от одного бара к другому.

В следующие несколько недель мы познакомились еще ближе. Пэм жила в черте Детройта и окончила старшую школу Першинга, славящуюся подавляющим числом чернокожих и звездой баскетбола Элвином Хейзом. Когда мы познакомились, она училась в университете Восточного Мичигана в Ипсиланти.

Между нами все как-то быстро закрутилось, хотя не без социальных потерь для Пэм. Шел 1971-й, война во Вьетнаме еще не закончилась, и недоверие университетских сообществ к ФБР достигло пика. Многие ее друзья не желали поддерживать с нами никаких контактов, убежденные в том, что я шпион, посланный властями для сбора информации об их деятельности. Смехотворной была даже сама мысль о том, что эти детишки считали себя достаточно важными для слежки со стороны ФБР. Не считая, правда, того, что именно этим в те годы Бюро и занималось.

Помню, как мы с Пэм однажды пошли на занятие по социологии. Я сел на галерке, слушая лектора – юную и радикально настроенную аспирантку. Такая «клевая» и «своя в доску». Я неотрывно смотрел на нее, а вскоре и она начала с беспокойством поглядывать на меня. Было очевидно, что ее тревожит мое присутствие. Любой сотрудник ФБР – это враг, даже если он парень одной из студенток. Вспоминая тот инцидент, я понял, насколько негативное впечатление порой можно произвести, просто будучи самим собой. Мы с коллегами по отделу потом не раз использовали это в своих интересах. Например, на судебном заседании по убийству на Аляске мой темнокожий коллега Джад Рэй сел рядом с девушкой ответчика-расиста и мило с ней беседовал, чем вывел того из себя прямо во время дачи показаний.

Когда Пэм только начинала учиться в Восточном Мичиганском, у нас объявился серийный убийца, хотя тогда такого термина мы еще не знали. Первое нападение он совершил в июле 1967-го, похитив из университетского городка девушку по имени Мэри Флэшар. Спустя месяц было найдено ее разлагающееся тело. Девушку насмерть закололи ножом, а потом отрубили руки и ноги. Через год мы нашли тело другой студентки, Джоан Шелл, обучавшейся неподалеку, в университете Мичигана в Энн-Арбор. На нем присутствовали следы изнасилования и почти пятьдесят колотых ран. Затем в Ипсиланти обнаружили еще один труп.

Убийства, названные «мичиганскими», стали учащаться. Студентки обоих университетов дрожали в страхе. Каждое найденное тело носило очередные свидетельства ужасающего насилия. К моменту задержания в 1969 году Джона Нормана Коллинза, студента университета Мичигана, – кстати, почти случайно это удалось его дяде, капралу полиции штата Дэвиду Лейку, – страшной смертью погибли шесть студенток и одна тринадцатилетняя девочка.

Коллинза осудили и приговорили к пожизненному заключению примерно за три месяца до того, как я устроился в Бюро. Но я все время задавался вопросом: а если бы тогда в Бюро знали то, что знаем мы сейчас, можно ли было изловить чудовище, пока оно не принесло столько несчастья? Даже после поимки Коллинза его дух все еще витал в обоих студгородках, как несколько лет спустя незримое присутствие Теда Банди наводило ужас на студентов других колледжей. Память об отвратительных убийствах глубоко укоренилась не только в сознании Пэм, но и в моем. Когда я только начинал изучать и выслеживать серийных убийц, мысль о прекрасных и невинных жертвах Джона Нормана Коллинза сопровождала меня повсюду.

Я был всего на пять лет старше Пэм, но, поскольку она еще училась в колледже, а я погрузился в нелегкий мир работы правоохранительных органов, нас разделяла чуть ли не пропасть. На людях, в компании моих друзей Пэм становилась необщительной и даже скрытной. Быть может, это не слишком порядочно по отношению к ней, но в свое время мы пополнили наш аналитический инструментарий и ее примером.

Однажды мы с Пэм и Бобом Макгонигелом отправились на обед в ресторан при отеле, выходявший окнами на центр города. Мы с коллегой тогда пришли в черных костюмах и туфлях, а Пэм оделась со вкусом, но простенько, по-студенчески. Закончив обедать, мы вызвали лифт и поехали вниз, но он, как назло, останавливался чуть ли не на каждом этаже. Народу набилось битком.

Примерно на полпути вниз Боб повернулся к Пэм и произнес:

– Мы отлично провели время сегодня. Думаю, надо созвониться, когда мы снова окажемся тут проездом.

Пэм внимательно изучала пол, стараясь не реагировать, и тут встрял я:

– В следующий раз я принесу взбитые сливки, а ты захвати клубнику.

Остальные пассажиры стали переглядываться, обмениваясь неловкими улыбками, пока Пэм вдруг не взорвалась хохотом. Потом нашу троицу смирли такими взглядами, будто мы какие-то извращенцы.

На осенний семестр Пэм планировала отправиться на учебу по обмену в Англию, в университет Ковентри. Ближе к концу августа, когда она уже улетела, я почти не сомневался, что Пэм – именно та девушка, на которой я хочу жениться. Тогда мне и не пришло в голову спросить ее, испытывает ли она те же чувства. Я просто считал, что так и есть.

В разлуке мы постоянно друг другу писали. Много времени я проводил у нее дома, на Аламеда-стрит, 622, рядом с государственной ярмаркой Мичигана. Отец Пэм умер, когда та была еще совсем маленькой, но я пользовался гостеприимством ее матери Розали, ужиная у них несколько раз в неделю и попутно составляя психологический портрет семейства Пэм, ее матери, братьев и сестер, чтобы побольше узнать о своей возлюбленной.

В то время я познакомился с еще одной девушкой, которую Пэм прозвала (хотя они ни разу не встречались) «той фифой с гольфа». И снова знакомство началось в баре. (Сейчас мне кажется, что тогда я посвящал чересчур много времени барам.) Девушке было немного за двадцать, довольно привлекательная, только окончила колледж. По сути, виделись мы только один раз, когда она настояла на обеде у нее дома.

А жила она, как выяснилось, в Дирборне, по соседству с центральной штаб-квартирой компании «Форд». Ее отец занимал там должность одного из руководителей высшего звена. Жили они в огромном каменном доме с бассейном, подлинниками известных картин и причудливой мебелью. Ее отец, далеко за сорок, представлял собой типичный образчик корпо-

ративного успеха, мать была грациозна и элегантна. Мы сели за обеденный стол в компании младшего брата и сестры моей новой подружки, и я принялся изучать семейство, пытаясь оценить чистую стоимость их активов. В это же самое время они пытались оценить меня.

Поначалу все шло слишком гладко. Похоже, их впечатлила моя должность агента ФБР – приятная перемена в сравнении с тем отношением, которое я привык терпеть в кругах Пэм. Но конечно, родители оказались ровно такого знатного происхождения, на какое выглядели. Мне стало совсем неудобно, потому что меня явно собирались женить.

Отец пораспрашивал меня о семье, прошлом, военной службе. Я рассказал о том, как руководил программой физподготовки в ВВС. Затем папаша сообщил, что на паях с партнером владеет гольф-клубом недалеко от Детройта, и начал распространяться о трассах и лужайках. Планка его активов тут же дернулась вверх.

– Джон, ты играешь в гольф? – спросил он.

– Нет, сэр, – без промедления ответил я. – Но мне очень хотелось бы научиться.

Вот и все. Мы разошлись, я заночевал у них на диване внизу. Посреди ночи ко мне каким-то образом спустилась моя подруга, которая оказалась лунатиком. Может, все дело в их странном доме, а может, в моем инстинктивном страхе подставиться (в конце концов, я работал в Бюро), но меня быстро спугнул агрессивный напор и девушки, и всей ее семейки. Я ушел утром, получив на закуску порцию гостеприимства в виде неловкого завтрака. Мечта о сладкой жизни растаяла, да и пусть.

Пэм вернулась из Англии за пару дней до Рождества 1971-го. Я решил взять быка за рога и заранее купил обручальное кольцо с бриллиантом. В те дни благодаря связям Бюро купить можно было чуть ли не все что угодно. Компания, где я добыл кольцо, в знак благодарности за поимку налетчиков на один из ее магазинов давала агентам очень неплохую скидку.

Но даже по цене для особых клиентов самое большее, что я мог позволить себе, это бриллиант в 1,25 карата. Но я решил, что, если Пэм сперва увидит его на дне бокала с шампанским, она не только похвалит мое остроумие, но и сочтет, что в камне все три карата. Мы поехали в итальянский ресторан на Эйт-Майл-роуд, недалеко от ее дома. Я намеревался бросить кольцо в бокал Пэм, как только она удалится в дамскую комнату.

Она так туда и не пошла. Следующим вечером я снова пригласил ее в тот же самый ресторан, но ситуация повторилась. К тому моменту я уже не раз вел слежку за подозреваемыми, часами просиживая в машине. Надо сказать, что необходимость все время терпеть была существенным недостатком моей работы, так что я еще сильнее заужавал свою избранницу. А может, сама судьба давала мне знак, что время жениться еще не пришло.

На следующий вечер, то есть в канун Рождества, мы собрались у Пэм дома со всей семьей. Вот оно: сейчас или никогда. Мы пили ее любимое «Асти спуманте». Наконец она на минуту вышла на кухню. Вернувшись, она села мне на колени, мы выпили, и, если бы я ее вовремя не остановил, Пэм так и проглотила бы кольцо. Вот тебе и три карата. Она его не заметила, пока я сам на него не указал. Интересно, это тоже был знак судьбы?

Впрочем, куда важнее, что подготовленной «атмосферой для допроса» мне удалось добиться желаемого результата. Ситуацию я создал исключительно удачную: в окружении братьев и матери, которые меня обожали, у Пэм не оставалось иного выбора. Она сказала «да». Свадьбу назначили на следующий июнь.

На второй год большинство холостых агентов определили в Нью-Йорк или Чикаго из тех соображений, что работать там для них будет менее проблематично, чем для женатых. Лично я конкретных пожеланий тогда не озвучивал, и меня назначили в Милуоки, показавшийся мне неплохим городком, хотя я ни разу там не был и даже не представлял, где он находится. Я переезжал туда в январе, а после свадьбы собирался захватить с собой Пэм.

Я остановился в квартире в Жюно-Виллидж-Апартментс на Жюно-авеню, недалеко от нашего регионального подразделения в Милуоки, что располагается в административном здании на Норт-Джексон-стрит. Это был мой тактический просчет, потому как чуть что, и сразу: «Дуглас, езжай. Это всего в трех кварталах от тебя».

Еще до моего прибытия в Милуоки женская часть коллектива уже знала, кто я такой, а именно: один из всего двоих холостых агентов. В первые несколько недель секретарши сражались за мои распоряжения, хотя таковых имелось совсем немного. Все так и кружили около меня. Но затем, когда прошел слух, что я помолвлен, я быстро превратился во вчерашнюю булку.

Атмосфера в отделении Милуоки во многом копировала детройтскую. Моим первым САРом стал человек по имени Эд Хейз, которого прозвали Шустрый Эдди. Вечно красный как рак (он скончался из-за повышенного давления вскоре после ухода на пенсию), он постоянно расхаживал по отделению, щелкая пальцами и прикрикивая:

– Вон из офиса! Вон из офиса!

Я спросил:

– А куда прикажете идти? Я только вселился. У меня нет машины, и дел тоже пока нет.

Он резко парировал:

– Мне все равно куда. Вон из офиса.

Ну я и пошел. В те дни не было ничего необычного в том, чтобы засесть в библиотеке или пройти по Висконсин-авеню рядом с офисом, где можно обязательно встретить пару-другую агентов, точно так же от безделья разглядывающих витрины. Именно тогда я и купил у известного в Бюро автодилера свой второй автомобиль, «форд-торино».

Следующего САРа, Херба Хокси, перевели из отделения Литл-Рок, штат Арканзас. Самой большой проблемой для САРов была вербовка сотрудников, поэтому, едва Хокси появился, эта беда тут же обрушилась и на него. Каждое региональное отделение имеет свою ежемесячную квоту как на агентов, так и на обслуживающий персонал.

Хокси вызвал меня к себе в кабинет и назначил старшим по вербовке. Обычно в этих целях назначался только один человек, поскольку ему приходилось много колесить по штату.

– Почему я? – спросил я.

– Потому что нам пришлось заменить предыдущего, и еще повезло, что вообще не уволили.

Оказалось, мой предшественник ходил по старшим школам и проводил собеседования с девушками о найме на бумажную работу. Тогда Гувер был еще жив, и в спец-агенты женщин по-прежнему не брали. Агент задавал школьницам как бы заранее подготовленные вопросы, один из которых был: «Вы девственница?» Если девушка отвечала «нет», он приглашал ее на свидание. Когда родители начали жаловаться, САРу только и оставалось, что снять его с пробега.

Я стал вербовать людей по всему штату. Вскоре я вырабатывал квоту почти в четырехкратном объеме, став самым производительным рекрутером в стране. Проблема в том, что я был слишком хорош и меня ни за что не сняли бы с этой должности. Когда же я сказал Хербу, что не хочу больше этим заниматься и пришел в ФБР не для работы с персоналом, он пригрозил перевести меня на гражданские права. А там я буду копать в полицейских участках и заниматься офицерами, обвиненными в жестоком обращении с подозреваемыми или в дискриминации социальных меньшинств. Такая работа тоже не пользовалась особой популярностью в Бюро. Вот так награда за ударный труд.

Я пошел на компромисс. Нехотя я согласился обеспечивать высокое число рекрутов, если Хокси назначит меня своим первым замом, выдаст служебный автомобиль и напишет рекомендательное письмо в Управление содействия правоприменению, чтобы мне оплатили высшее

образование. Я знал: если не собираешься всю жизнь провести «в поле», требуется степень магистра.

В кругу коллег меня стали подозревать в политической ненадежности, ведь только ярые либералы стремились к образованию в таком объеме. В университете Висконсина в Милуоки, где я вечерами и по выходным сражался за степень магистра педагогической психологии, обо мне сложилось ровно противоположное мнение. Большинство профессоров с опаской относились к агенту ФБР на их занятиях, а мне, в свою очередь, было не слишком интересно заниматься всякой романтической дребеденью, которая всегда идет рука об руку с психологией (вроде заданий: «Джон, расскажи о себе своему соседу по парте. Какой Джон Дуглас на самом деле?»).

Однажды на занятии мы сели в круг, а в те дни круги получались очень большими. Постепенно я поймал себя на мысли, что никто не хочет со мной разговаривать. Я старался влиться в беседу, но на меня попросту не реагировали. Наконец я в сердцах спросил: «Ребята, в чем дело?» Оказывается, железная ручка расчески, торчавшая из кармана, показалась им антенной: мол, я записываю все, что происходит в классе, и передаю в «штаб». Меня никогда не переставало удивлять параноидальное чувство собственной важности в этих людях.

В начале мая 1972 года Дж. Эдгар Гувер тихо скончался во сне в своем доме в Вашингтоне. Рано утром сообщения по телетайпу из штаб-квартиры облетели каждое региональное отделение. В Милуоки САР вызвал нас всех к себе, чтобы поведать печальное известие. Хотя Гуверу уже было далеко за семьдесят и он занимал свой пост целую вечность, нам казалось, что он будет всегда. Теперь король умер, и все мы задавались вопросом, кто станет новым королем и займет его место. Временно исполняющим обязанности назначили Л. Патрика Грея, лояльного Никсону генерального прокурора. Поначалу он снискал популярность рядом нововведений – например, наконец разрешил нанимать женщин на должность спецагента. Но как только интересы его ведомства начали пересекаться с потребностями Бюро, он «поплыл».

Через пару недель после кончины Гувера я занимался вербовкой в Грин-Бэй, как вдруг раздался звонок Пэм. Она предупредила, что священник хочет увидеть нас за несколько дней до свадьбы. Я подозревал, что он хочет обратить меня в католичество и тем самым заработать пару очков для своей церковной команды. Но Пэм была ревностной католичкой, воспитанной в уважении к святым отцам. А еще я знал, что она покоя мне не даст и лучше сразу согласиться.

Мы явились в церковь Святой Риты вместе, но к священнику моя избранница вошла первой. Я сразу вспомнил тот случай в полицейском участке Монтаны, когда нашу компанию разделили для сверки показаний. Наверняка они обсуждали стратегию беседы со мной. Когда же меня наконец пригласили войти, я первым делом спросил:

– Что за козни вы строите против невинного протестанта?

Священник, молодой и приветливый, возможно, немного за тридцать, сперва позадавал мне общие вопросы вроде «что такое любовь?». Я старался его прошупать и понять, есть ли на этот вопрос правильный ответ. Вообще такие беседы сродни тестам на профпригодность: едва ли можно хорошо к ним подготовиться.

Затем мы перешли к контролю за рождаемостью, воспитанию детей и тому подобному. Я не удержался и спросил:

– Каково это – быть священником, давшим обет безбрачия? Каково это, не иметь семью?

Он показался мне приятным человеком, хотя Пэм предупредила, что церковь Святой Риты очень строгая и традиционная и ему не очень комфортно в моем обществе – возможно, потому что я не католик. Не знаю.

Думаю, он пытался растопить лед, когда спросил, как мы познакомились. В стрессовой ситуации я всегда начинаю шутить, стараясь разрядить обстановку. И вот прекрасная возможность, перед которой я не устоял. Я ближе придвинулся к собеседнику и сообщил:

– Ну, отец, вы же в курсе, что я агент ФБР. Не знаю, рассказывала ли вам Пэм о своем прошлом.

Продолжая говорить, я все ближе придвигался к нему, поддерживая зрительный контакт, – этому приему я научился на допросах. Я не хотел, чтобы он смотрел на Пэм, потому что не знал, как она отреагирует.

– Мы встретились в баре «Гараж Джима», где танцуют топлес. Пэм работала там танцовщицей, и в профессионализме ей не откажешь. Но вот что действительно меня зацепило, так это ее умение заставить кисточки на сосках вращаться в разных направлениях. Поверьте, на это стоит взглянуть.

Пэм хранила гробовое молчание, не зная, пора ли вмешаться. Священник внимательно меня слушал.

– Ну и вот, отец, она крутила эти кисточки в противоположные стороны все быстрее и быстрее, как вдруг одна из них оторвалась и полетела прямо к зрителям. Все повскакивали, старясь ее поймать, но я рванул быстрее всех, вернул владелице, и вот мы здесь.

Священник сидел разинув рот. Он действительно поверил мне, но тут я не выдержал и покатился со смеху, прямо как тогда в школе на докладе по книге.

– То есть все было не так? – уточнил он.

Тут уже захохотала и Пэм. Мы на пару покачали головой. Не знаю, утешило это священника или, наоборот, разочаровало.

Моим шафером был Боб Макгонигел. Утро в день свадьбы выдалось хмурым и дождливым, и я хотел поскорее начать. Я попросил Боба позвонить домой Пэм и спросить, не видела ли она меня. Она, конечно, не видела, и Боб добавил, что очень переживает, как бы я не дал задний ход, потому что вчера я не вернулся домой. Теперь мне даже не верится, что чувство юмора у меня тогда было настолько извращенным. В конце концов Боб не выдержал и заржал, выдав наш розыгрыш, но я был слегка разочарован, что не смог добиться от Пэм более выраженной реакции. Потом она призналась мне, что настолько углубилась в организацию торжества и в беспокойство по поводу прически, которая могла испортиться из-за влажности, что исчезновение какого-то жениха было наименьшей из ее проблем.

Когда мы произнесли клятву верности в церкви и священник объявил нас мужем и женой, я крайне удивился тому, что у него нашлась пара добрых слов обо мне.

– Впервые с Джоном Дугласом я встретился всего пару дней назад, но он заставил меня серьезно задуматься о своих религиозных чувствах.

Одному Богу известно, чего он так загрузился, но пути Господни неисповедимы. Во второй раз я рассказывал священнику историю про кисточки уже в Сиэтле, когда Пэм собиралась меня соборовать. И тот тоже купился.

После короткого медового месяца в Поконосе – с ванной в форме сердца, зеркальными потолками и прочими характерными атрибутами, – мы отправились на Лонг-Айленд, где мои папа с мамой закатали вечеринку в нашу честь, поскольку мало кто из моих родных смог присутствовать на самой свадьбе.

После свадьбы Пэм переехала в Милуоки. К тому моменту она уже окончила институт и стала преподавателем. Начинающим учителям зачастую приходится быть на подхвате в самых проблемных школах города. Особенно тяжело Пэм пришлось в одной средней школе. Учителей там запросто могли толкнуть или ударить, а нескольких молодых преподавательниц даже пытались изнасиловать. Я же наконец соскочил с обязанностей рекрутера и большую часть времени теперь работал в оперативном отряде, занимаясь в основном ограблениями. Несмотря на безусловные опасности службы, я больше беспокоился за Пэм: у меня хотя бы было оружие. Как-то раз четверо ребят загнали ее в кабинет, лапая и помогаясь. Отбиваясь и крича, она сумела вырваться, но я был в ярости и собирался вместе с коллегами нагрянуть в школу и надрать подлецам задницы.

На тот момент ближе всего мы общались с агентом Джо Делькампо, который работал вместе со мной по банковским делам. Мы с ним частенько ошивались у пекарни на Окленд-авеню, неподалеку от студгородка университета Висконсина в Милуоки. Заведением владела чета Голдбергов, Дэвид и Сара, и уже задолго до того мы успели с ними крепко подружиться. В сущности, супруги относились к нам как к своим сыновьям.

Иногда мы заезжали к ним ни свет ни заря, уже при оружии, и помогали загружать в духовку бублики и булочки. Позавтракав, мы обыкновенно выезжали на работу, хватали преступника, проверяли пару других зацепок и возвращались к ланчу. Мы с Джо вместе работали в Еврейском общественном центре и между Рождеством и Ханукой оплачивали Голдбергам членский билет. В конце концов в местечко, которое мы запросто называли «У Голдбергов», стали заезжать и другие агенты, и даже САРы и ПСАРы. У нас там образовалась своя тусовка.

Джо Делькампо был смышленным парнем, владел несколькими языками и отлично управлялся с оружием. Его смекалка сыграла ключевую роль в, пожалуй, самой странной и сбивающей с толку ситуации, в которую я когда-либо попадал.

Однажды зимой мы с Джо допрашивали в офисе дезертира, которого схватили тем же утром, как вдруг раздался звонок и полиция Милуоки сообщила о захвате заложников. Хотя Джо дежурил всю ночь, мы все же оставили задержанного дожидаться нашего возвращения, а сами отправились по вызову.

Добравшись до старинного дома в стиле Тюдоров, мы узнали, что подозреваемый, Джейкоб Коэн, беглый преступник, обвинен в убийстве офицера полиции в Чикаго. Вдобавок он как раз подстрелил агента ФБР Ричарда Кар-ра, который зашел внутрь и попытался его задержать. Дом был окружен свежеобученным отрядом спецназа ФБР. Этот псих попытался прорваться через окружение, в процессе чего заработал пару выстрелов в зад. По пути он схватил какого-то паренька, убиравшего снег, и забежал в другой дом. Теперь у него трое заложников: двое детей и взрослый. В конце концов он отпустил взрослого и одного ребенка, прижимая к себе совсем маленького мальчишку, которому, по нашим подсчетам, было лет десять.

К этому моменту все уже изрядно подзадолбались. Лютый мороз. Коэн сходит с ума еще пуще от того, что его зад нашпигован свинцом. ФБР и полиция Милуоки обвиняют друг друга в усугублении ситуации. Молодые спецназовцы злятся, что на первом же серьезном деле позволили преступнику прорваться через кольцо. ФБР жаждет крови за смерть одного из своих коллег. А полиция Чикаго уже заявила, что сама хочет его схватить, и если кто-то собирается пристрелить преступника, то должен иметь веское к тому основание.

На место прибыл САР Херб Хокси и своими действиями закрепил уже допущенные остальными ошибки. Во-первых, он достал громкоговоритель, чтобы придать себе безапелляционный тон. Куда мягче был бы телефонный звонок, благодаря которому к тому же беседа приобретает частный характер. Затем, по моему мнению, он допустил вторую ошибку: предложил себя в качестве заложника в обмен на мальчишка.

Хокси сел за руль машины ФБР, полиция окружила ее и сопровождала к дому. А пока они ехали, Делькампо попросил меня посадить его на крышу здания. Напомню, это дом в тюдорском стиле, с покатой крышей, сплошь покрытой льдом, а Джо был на ногах всю ночь. И вот он залез туда, вооруженный только магнумом калибра.357 с 2,5-дюймовым стволом.

Коэн высунулся из дома, обхватив рукой голову мальчишка и крепко прижимая его к себе. Детектив Бисли из полиции Милуоки выступил вперед:

– Джек, вот кто тебе нужен. Отпусти ребенка!

Тем временем Делькампо аккуратно карабкался вверх по крыше. Полицейские заметили его и сразу же обо всем догадались.

Субъект с заложником подошли к машине. Повсюду снег и лед. Вдруг паренек поскальзывается, и Коэн на секунду ослабляет свою хватку. К тому моменту Делькампо уже перебрался

через гребень крыши, прикинул, что при коротком стволе пистолета пуля может уйти немного выше, прицелился бандиту в шею и спустил курок.

Прямое попадание. Невероятная точность: выстрел пришелся прямо в самую середину шеи. Коэн осел на землю, но никто не понял, утащил его за собой мальчик или же в него попали.

Ровно через три секунды на машину посыпался град из пуль. В перестрелке детектива Бисли ранило в ахиллесово сухожилие. Маленький заложник оказался перед машиной и старался на четвереньках отползти в сторону, но автомобиль покатился прямо на него, потому что в Хокси угодил осколок стекла и он потерял управление. К счастью, мальчик отделался парой легких ушибов.

Что очень по-фэбээровски, в вечернем выпуске новостей показали спецagenta-руководителя Герберта Хокси на каталке, который сказал пару слов для прессы, когда его, с капающей из уха кровью, вывозили из реанимации: «Неожиданно раздались выстрелы, начался настоящий свинцовый дождь. Похоже, меня зацепило, но я буду в порядке...» ФБР, Господь Бог, вечные ценности и т. д. и т. п.

Но и это еще не все. Ребята из полиции уже собирались пустить в ход кулаки, потому что Делькампо отнял у них преступника. Спецназ тоже был не в восторге, потому что на его фоне они выглядели бездарно. Они нажаловались ПСАРу Эду Бесту, но тот заступился за Делькампо, заявив, что он разрешил ситуацию, которую создали все остальные.

На теле Коэна было около тридцати – сорока сквозных ранений, но он был еще жив, когда его забрала скорая. К счастью для всех заинтересованных, его все ^{равно} разыскивали живым или мертвым.

Спецagent Карр чудом выжил. Пуля Коэна пробила плащ, вошла в плечо, отрикошетила от трахеи и застряла в легком. С того дня Карр с гордостью носил плащ с дыркой от пули.

Мы с Делькампо отлично сработались и показывали высокие результаты, не считая того, что, стоило нам начать хихикать, и мы подолгу не могли успокоиться. Однажды мы зашли в гей-бар, чтобы обеспечить информатора по делу о гомосексуальном убийстве. Внутри было темно, и когда мы наконец привыкли к полумраку, то заметили множество глаз, изучающе смотревших на нас. Мы стали спорить, кто из нас им больше понравился, а когда увидели вывеску над барной стойкой с надписью: «Нелегкого мужчину найти хорошо»¹⁶, то буквально сложились пополам, хохоча как припадочные.

Нас хлебом не корми, только дай поржать. Однажды мы не удержались от смеха, беседуя со стариком в инвалидной коляске в доме престарелых, а еще – во время разговора со щеголеватым сорокалетним бизнесменом, когда парик сполз ему на лоб. Нам было все равно, над чем смеяться. Если в ситуации есть хотя бы крупица юмора, мы с Джо обязательно ее унюхаем. При всей нетактичности, это, пожалуй, весьма полезный талант. Когда уйму времени проводишь на местах убийств и в моргах, где среди трупов попадаются и детские, когда поговоришь с сотнями, тысячами жертв и членов их семей, когда видишь совершенно немыслимые вещи, на которые люди способны по отношению к себе подобным, – лучше бы научиться смеяться над всякими глупостями. Иначе свихнешься.

В отличие от большинства ребят, ушедших в правоохранительные органы, я никогда не обнаруживал особой страсти к оружию, но со времен службы в ВВС я довольно метко стрелял. Я решил, что не повредит немного поработать в составе спецназа. Таковой был в каждом региональном отделении. Частичная занятость; пятерых ребят вызывали по мере надобности. Я вступил в отряд, и меня назначили снайпером, то есть я всегда оставался на задней линии и стрелял с большой дистанции. У остальных был солидный послужной список – зеленые береты,

¹⁶ Высказывание знаменитой актрисы и секс-символа Мэй Уэст, переиначившей классическую фразу «хорошего мужчину найти нелегко».

рейнджеры, – и тут я, обучавший детишек и жен пилотов плавать. Командир отряда, Дэвид Коль, в свое время стал заместителем помощника директора в Куантико, он же и предложил мне возглавить отдел следственного сопровождения.

На другом деле, более приземленном, чем небывальщина с Джейкобом Коэном, полиция устроила головокружительную погоню за грабителем банка, в результате которой прижала того в здании склада. Тут вызвали нас. Находясь на складе, вор сначала полностью разделся, затем снова оделся. По всем признакам мы имели дело с настоящим шизиком. Потом он потребовал доставить к месту действия его жену, что и было сделано.

Впоследствии, углубившись в исследование подобного типа личности, мы выяснили, что ни в коем случае нельзя этого делать: нельзя выполнять такие требования, потому что обычно человека, которого преступник просит доставить, он воспринимает как первоочередную причину своих проблем. Таким образом, этот человек подвергается крайней опасности, а мы рискуем заработать убийство с суицидом.

К счастью, в нашем примере жену не пустили внутрь, а дали им поговорить по телефону. Как и ожидалось, договорив, грабитель снес себе голову из дробовика.

Мы прождали наготове несколько часов кряду, и тут все резко закончилось. В таких случаях быстро сбросить напряжение удастся не всегда, и тогда в ход идет весьма специфический юмор.

– Господи Иисусе, зачем же он так? – заметил один из парней. – У Дугласа ведь глаз алмаз, ему не обязательно было так напрягаться.

К тому моменту в Милуоки я проработал немногим более пяти лет. В конце концов мы с Пэм переехали из квартирки на Жюно-авеню в таунхаус на Браун-Дир-роуд у северной черты города, подальше от офиса. Основная часть моей работы приходилась на банковские ограбления, и у меня накопилось изрядное количество грамот и благодарностей за раскрытые дела. Я заметил, что лучше всего мне удавалось разобраться в ситуации, если я обнаруживал связь между несколькими преступлениями посредством их «почерка». Этот фактор позднее стал краеугольным камнем в нашем анализе серийных убийств.

Единственный заметный провал у меня случился, когда Херба Хокси на посту САРа сменил Джерри Хоган. Не то что бы у начальства было так много привилегий, но среди них – служебный автомобиль. Хоган очень гордился своим новым «фордом-лимитед» изумрудного цвета. Однажды для расследования мне потребовалась машина, а других свободных не было. Хоган ушел на встречу, и я спросил ПСАРа Артура Фултона, могу ли я воспользоваться авто начальника. Он нехотя согласился.

Следующее, что я помню, это как Джерри вызывает меня к себе и орет, что я взял его тачку, запачкал ее и – что хуже всего – проколол шину. Причем я даже ничего не заметил. Выяснилось, что это было всего лишь недоразумение. Потом мы с Джерри отлично сработались, и теперь каждый раз, когда он орет, я смеюсь.

Немного позднее тем же днем мой старший отряда Рэй Бирн сказал:

– Знаешь, Джон, Джерри ты нравишься, но он должен преподать тебе урок. Он назначил тебе индейскую резервацию.

Тогда обстановка еще была накалена инцидентом у Вундед-Ни¹⁷ и подъемом движения за права коренных американцев. В резервациях нас ненавидели не меньше, чем в гетто Детройта. Правительство ужасно обращалось с индейцами. Когда я впервые приехал в резервацию Меномини в Грин-Бэй, я не поверил своим глазам: в такой нищете, убожестве и грязи были вынуждены жить эти люди. У них отняли большую часть их культуры, и они выглядели словно оцепеневшими. История безразличия и враждебности правительства, а также отвратительные условия жизни наложили свой отпечаток, и во многих резервациях индейцы нередко

¹⁷ Индейское поселение племени лакота, где 27 февраля 1973 года прошли погромы и грабежи.

опускались до алкоголизма, домашнего насилия, побоев и убийств. Но по причине крайнего недоверия властям от свидетелей почти не удавалось добиться хоть какого-то содействия или помощи.

Не стоило ждать помощи и от представителей местного Бюро по делам коренного населения. Из-за страха, что их уличат в пособничестве врагу, в расследовании отказывались принимать участие даже родственники жертвы. Иногда мы узнавали об убийстве и приезжали на место только через несколько дней, когда тело уже кишело личинками насекомых.

В резервации я провел чуть больше месяца и за это время успел поработать над шестью убийствами. Мне было так жаль индейцев, что я постоянно пребывал в унынии. Возможность вернуться на ночь домой казалась мне роскошью. Я в жизни не видел людей, которым день за днем приходилось преодолевать столько лишений. Полная опасностей работа в резервации Меномини стала моей первой концентрированной дозой убийств, которые нужно было как-то расследовать. Я получил мрачный, но уникальный опыт.

Без сомнений, лучшим событием во время моего пребывания в Милуоки стало рождение нашего первенца, Эрики, в ноябре 1975-го. Мы собирались устроить обед в честь Дня благодарения в загородном клубе вместе с друзьями, Сэмом и Эстер Раскин, как вдруг у Пэм начались схватки. Эрика родилась на следующий день.

На работе я проводил долгие часы за расследованием ограблений, доучивался в магистратуре, а рождение ребенка оставляло еще меньше времени для сна. Не стоит и говорить, что Пэм приняла это бремя на себя. Став отцом, я еще сильнее ощутил свой долг перед семьей. Мне нравилось наблюдать, как растет Эрика. К счастью для всех нас, думается мне, тогда я еще не занимался похищениями и убийствами детей. А если бы занимался, если бы задумывался над такими ужасами, не знаю, как тогда я справлялся бы с отцовством. Но к моменту рождения в 1980-м нашей второй дочери, Лорен, я уже давно свыкся с кошмарами.

Думаю, что отцовство мотивировало меня становиться лучше. Я знал, что занимаюсь не тем, чему хотел бы посвятить свою профессиональную жизнь. Джерри Хоган посоветовал мне проработать «в поле» лет десять, прежде чем перейти в другое место: тогда у меня будет достаточно опыта для должности ПСАРа, а затем и САРа. Рано или поздно я смог бы пробиться в высшее руководство. Но с ребенком, а затем, как я надеялся, и со вторым жизнь полевого агента с ее постоянными переездами выглядела не слишком привлекательной.

Со временем у меня стали вырисовываться и другие перспективы в работе. Снайперская практика и тренировки спецназа более меня не привлекали. С учетом моего прошлого и интереса к психологии – а к тому времени я уже получил диплом магистра, – куда больший интерес у меня вызывала та часть работы, которая касалась урегулирования сложных ситуаций до того, как дело дойдет до стрельбы. САР посоветовал мне пройти двухнедельный курс по переговорам с преступниками в Академии ФБР в Куантико, открывшейся всего пару лет назад.

Там, под крылом таких легендарных агентов, как Говард Тетен и Пэт Маллани, я впервые на практике познакомился с тем, что называлось наукой о поведении. Она навсегда изменила мою карьеру.

Глава 5. Наука о поведении или НП?

18

В последний раз в Куантико я был пять лет назад, на подготовительном курсе для начинающих агентов. С тех пор многое изменилось. В первую очередь, к весне 1975-го Академия ФБР превратилась в законченную и самостоятельную организацию, вырезанную из грубого камня бывшей базы ВМС, и расположилась она на живописной лесистой равнине Вирджинии в часе езды к югу от Вашингтона.

Но кое-что осталось прежним. Например, наибольшим престижем и статусом все еще обладали тактические подразделения, а звездой среди них был отдел огнестрельного оружия. Его возглавлял Джордж Цейсс, спецгент, направленный в Англию, чтобы поймать и представить американскому правосудию Джеймса Эрла Рэя за убийство в 1968 году доктора Мартина Лютера Кинга. Цейсс, крупный и мощный человек-медведь, любил показывать дешевый трюк: якобы он мог разорвать наручники голыми руками. Однажды ребята из офиса запаляли цепь и попросили Цейсса показать им фокус еще раз. Он так сильно тянул и выворачивал руки, что в итоге сломал запястье и потом еще долго ходил с гипсом.

Курс переговоров с преступниками преподавали в отделе поведенческого анализа, состоявшем из семи – девяти спецгентов-инструкторов. Психология, как и другие «мягкие» науки, не пользовались особым уважением при Гувере и его сторонниках, поэтому до его смерти сие начинание было скорее кустарным.

В сущности, та часть работы ФБР, да и правоохранительной службы в целом, которая предполагала применение в криминологии науки о поведении и психологии, считалась бесполезным дерьмом. Хотя я абсолютно точно не был согласен с таким подходом, все-таки не мог не признать, что основная часть изученного мной материала не имела никакого практического отношения к поимке преступников – обстоятельство, которое несколько наших энтузиастов начнет исправлять только спустя пару лет. Заняв должность начальника операционной части отдела поведенческого анализа, я изменил его название на «отдел сопровождения расследований». Когда же меня спрашивали, в чем смысл, я честно отвечал, что хотел изъять «НП» из нашей работы.

На тот момент, когда я приступил к изучению курса переговоров с преступниками, начальником ОПА был Джек Пфафф, но наиболее выдающуюся роль в отделе играли две сильные и вдохновляющие личности – Говард Тетен и Патрик Маллани. В Тетене почти два метра роста, за очками в проволочной оправе прячутся глаза-буравчики. Несмотря на прошлое морского котика, он скорее мыслитель, этакий благородный, возвышенный интеллект. В Бюро он вступил в 1962-м после службы в полиции Сан-Леандро, штат Калифорния, близ Сан-Франциско. В 1969-м он начал преподавать популярный курс прикладной криминологии, который в конечном итоге (как я подозреваю, после смерти Гувера) стал известен как прикладная криминальная психология. В 1972-м он ездил в Нью-Йорк, чтобы проконсультироваться с доктором Джеймсом Брусселом, тем психиатром, который раскрыл дело «маньяка-подрывника». Доктор согласился лично обучить Тетена своей технике психоанализа.

Вооруженный новыми знаниями, Тетен совершил научный прорыв. Его подход состоял в том, чтобы узнать как можно больше о поведении и мотивах преступника на основе улик, найденных на месте преступления. В каком-то смысле все, что мы впоследствии делали в рамках науки о поведении и криминального анализа, основывалось на этом подходе.

А Пэт Маллани всегда напоминал мне лепрекона. Ростом около 155 сантиметров, он представлял собой эдакого смекалистого заводилу, бурлящего жизнью. Пэт имел ученую сте-

¹⁸ В английском сокращение BS (от behavioral science – наука о поведении) также означает «чепуха» (bullshit).

пень по психологии. В Куантико он перешел из нью-йоркского отделения в 1972-м, а к концу службы в академии отличился успехами в урегулировании нашумевших терактов с захватом заложников: в Вашингтоне, округ Колумбия, когда мусульманская секта «Ханафитский мазхаб» захватила штаб еврейской организации «Бней-Брит», и в Уорренсвилль-Хайтсе, штат Огайо, когда Кори Мур, темнокожий ветеран войны во Вьетнаме, взял в плен капитана полиции и его помощника прямо в участке. Вместе Тетен и Маллани, эта примечательная и небываемая парочка, были представителями первой волны современной науки о поведении.

Курс по переговорам вели также и другие инструкторы ОПА, Дик Олт и Роберт Ресслер, которые приехали в Куантико незадолго до меня. Если Тетен и Маллани составляли первую волну, то Олт и Ресслер образовывали вторую, стараясь развивать дисциплину в ключе ее практической значимости как для полиции США, так и для всего мира. Хотя в то время нас связывали только отношения ученика и учителя, вскоре мы с Бобом Ресслером совместно принялись за разработку методики анализа серийных убийств, которая в конечном итоге вылилась в современную модель нашей работы.

Занятия по переговорам с преступниками посещали около пятидесяти человек. Иногда лекции походили скорее на развлечение, нежели на учебу, но все равно было приятно взять двухнедельный отдых от полевой работы. На занятиях мы изучали три основных типа личностей, захватывающих заложников: профессионального преступника, душевнобольного и маньяка. Мы углубились в некоторые немаловажные феномены, обнаруживающие себя в подобных ситуациях, такие как Стокгольмский синдром. Двумя годами ранее, в 1973-м, неумелое ограбление банка в шведском Стокгольме привело к мучительной трагедии как для заложников из числа клиентов, так и для сотрудников банка. В итоге заложники прониклись симпатией к налетчикам и даже помогали им против полиции.

Еще мы посмотрели фильм Сидни Люмета «Собачий полдень», как раз недавно вышедший в прокат. Герой Аль Пачино грабит банк, чтобы достать деньги на операцию по смене пола для своего любовника. Фильм основан на реальном теракте с захватом заложников в Нью-Йорке. Как раз после этого дела и затянувшихся дебатов с преступниками в ФБР решили, что пора придать некоторое ускорение курсу переговорщиков в академии. Для этого из полиции Нью-Йорка пригласили капитана Фрэнка Больца и следователя Харви Шлоссберга – нью-йоркцы, как известно, признанные профессионалы в этой области.

Мы изучали принципы ведения переговоров. Некоторые ключевые вопросы были вполне очевидными, как, например, стремление свести жертвы к минимуму. Только годы спустя, когда сменилось поколение инструкторов, у нас появилась возможность слушать аудиозаписи настоящих переговоров. А до тех пор ближе всего к ним мы могли подойти в тренировочных ролевых играх. Но такие упражнения несколько сбивали с толку, потому что по большей части отбирались из материалов курса по криминальной психологии и не слишком-то вписывались в нашу тематику. Например, нам раздавали фото и досье какого-нибудь растлителя или сексуального маньяка, и затем мы обсуждали, как такая личность может повести себя при захвате заложников. А потом мы снова переходили к огневой подготовке, которой в Куантико по-прежнему уделяли немало внимания.

И все же изрядную часть того, что мы впоследствии сами стали давать на курсе по переговорам, мы узнали не от других агентов на занятиях в классе, а во время суровой полевой практики. Как я уже отмечал, одним из дел, на котором Пэт Маллани заработал себе имя, было задержание Кори Мура. Мур, которому поставили диагноз параноидальная шизофрения, озвучил несколько требований, после того как взял в плен капитана полиции и его помощника прямо в отделении в Уорренсвилль-Хайтсе, штат Огайо. Среди прочего, он требовал, чтобы все белые немедленно покинули землю.

Итак, согласно стратегии переговоров, преступнику не следует уступать, если существует возможность урегулировать ситуацию без этого. Однако некоторые требования бывают в прин-

ципе маловыполнимы. К таким можно отнести и требование Мура. Это дело вызвало такой общественный резонанс, что даже сам президент США Джимми Картер собирался лично поговорить с Муром и попытаться разрешить ситуацию. Мистер Картер, без сомнений, был полон добрых намерений, которые впоследствии не раз находили свое выражение в желании урегулировать даже с виду незначительные конфликты по всему миру. И все же подобная стратегия переговоров не сулила ничего хорошего, и я бы ни за что не согласился на такое в свою смену. Не хотел того и Пэт Маллани. Помимо того, что тогда к делу подключится множество других мелких сошек, участие высшего начальства лишает пространства для маневра. Переговоры всегда следует вести через посредников, чтобы выиграть время и не давать обещаний, которые не сможешь выполнить. Когда же агрессор вступает в непосредственный контакт с человеком, которого воспримет как ответственного за принятие решений, все остальные автоматически оказываются прижаты к стенке: если теперь не выполнить требования преступника, ситуация может резко усугубиться. И чем дольше захватчик беседует с посредником, тем лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.